

ЦАРСТВОВАНИЕ
АЛЕКСѢЯ МИХАИЛОВИЧА.

1645 — 1676 г.

ЦАРСТВОВАНИЕ ФЕДОРА АЛЕКСѢВИЧА.

ИЗДАНИЕ РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА
ДОСУГЪ И ДѢЛО.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Товарищ. «Общественная Польза».
Большая Подъяческая, д. № 39.
1884.

ЦАРСТВОВАНИЕ
АЛЕКСѢЯ МИХАИЛОВИЧА.

1645—1676 г.

И

ЦАРСТВОВАНИЕ ТЕОДОРА АЛЕКСѢЕВИЧА.

ИЗДАНИЕ РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА
ДОСУГЪ И ДѢЛО.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Товарищества «Общественная Польза», Б. Подъячская, д. № 39.
1884.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 10 Февраля 1884 года

ЦАРСТВОВАНИЕ АЛЕКСѢЯ МИХАЙЛОВИЧА, 1645—1676 г.

Послѣ кончины Михаила Федоровича на престолъ вступилъ сынъ его, шестнадцатилѣтній царевичъ Алексѣй. Характеромъ своимъ молодой государь во многомъ напоминалъ своего добродушнаго отца, и, подобно ему, всегда нуждался въ руководителяхъ. Воспитатель царевича Алексѣя, бояринъ Морозовъ, пользуясь привязанностью и полнымъ довѣріемъ своего питомца, не замедлилъ пріобрѣсти исключительное вліяніе на управленіе государствомъ; другими словами, — забралъ власть въ свои руки. Спустя три года послѣ своего воцаренія, Алексѣй Михайловичъ вступилъ въ бракъ съ дочерью незначительнаго дворянина Милославскаго; а Морозовъ вслѣдъ за тѣмъ женился на царской свояченицѣ *).

---

*) Выборъ царской невѣсты между дочерьми боярскими и дворянскими былъ всегда важнымъ вопросомъ при московскомъ дворѣ, потому что вмѣстѣ съ невѣстою приближался къ престолу и весь ея родъ. Поэтому женитьба царя рѣдко обходилась безъ разныхъ происковъ и интригъ. Такъ же и случилось съ первою невѣстою Алексѣя Михайловича: изъ 200 дѣвицъ выборъ его палъ на дочь дворянина Всеволожскаго; узнавъ о свѣемъ счастьи, дѣвушка отъ сильнаго волненія и неожиданности упала въ обморокъ; это приписали падучей болѣзни, и она вмѣстѣ съ родными своими была отправлена въ Тюмень. Отца ея обвинили въ томъ, что онъ скрылъ болѣзнь дочери. Впослѣдствіи онъ былъ возвращенъ изъ ссылки, но ему было запрещено выѣзжать куда-либо изъ своего имѣнія.

Царств. Алексѣя Михайловича.

1

Внутреннее состояніе Московскаго государства все еще носило на себѣ слѣды смутной эпохи, и бѣдствія, на которыя жаловались выборные люди 1642 года, продолжались: народъ страдалъ подѣ тяжестью налоговъ и повинностей, все болѣе и болѣе возрастающихъ; такъ, между прочимъ, наложена была новая пошлина на соль—одинъ изъ предметовъ первой необходимости. Налоги эти, вмѣстѣ съ притѣсненіями приказныхъ людей, произвели сильное неудовольствіе, которое перешло въ открытый мятежъ.

Тестъ царя, Милославскій, покровительствуемый Морозовымъ, воспользовался своимъ положеніемъ, сталъ выпрашивать выгодныя мѣста своимъ родственникамъ, которые принялись за лихоимство. Тогда вспыхнулъ мятежъ въ Москвѣ, народъ потребовалъ выдачи судьи Плещеева и умертвилъ его, разграбивъ дома многихъ знатныхъ и богатыхъ людей. На другой день послѣ бунта сдѣлался страшный пожаръ въ Москвѣ, послѣ котораго вспыхнуло опять возмущеніе: народъ началъ неотступно требовать выдачи самого Морозова и окольного Трахоніотова, и хотѣлъ казнить ихъ лютою смертью; Трахоніотова выдали, но Морозовъ уцѣлѣлъ, спрятавшись во дворцѣ. Неистовая толпа бросилась на домъ Морозова, въ которомъ оставалась его жена. Ея не тронули, но сказали ей: «Если бы ты не была сестра царицы, то мы бы тебя изрубили въ куски!» Народъ ворвался въ домъ высокоумнаго боярина: все было перебито, изломано; изъ сундуковъ вытаскивали золотыя тѣани, шѣха, жемчугъ; срывали съ иконъ богатые оклады и выбрасывали на площадь. Разграбивши до основанія домъ, неистовавшая толпа добралась и до погребовъ, гдѣ стояли бочки съ медомъ и винами, разбили ихъ, разлили, такъ что по болѣно ходили въ винѣ, и перепились до того, что многіе тутъ же умерли.

Разграбивши домъ Морозова, толпа бросилась на дворы его пріятелей, разрушила и ихъ, и закончила убійствомъ думнаго дьяка

Назара Чистаго, на котораго народъ давно злобствовалъ за лихоимство и разнаго рода притѣсненія.

Морозова, для большей безопасности, отправили на время въ Кирилло - бѣлозерскій монастырь, гдѣ онъ, впрочемъ, пробылъ не долго и, по возвращеніи своемъ, хотя уже не игралъ прежней роли, но оставался однимъ изъ вліятельныхъ лицъ, не злоупотребляя, впрочемъ, своимъ вліяніемъ и расположеніемъ къ нему государя, который привыкъ почитать въ немъ своего воспитателя.

Какъ только затихли мятежи, государь занялся важнымъ дѣломъ. Посовѣтовавшись съ духовенствомъ, боярами, окольными и думными людьми, онъ постановилъ привести въ порядокъ законодательство. 16-го іюля 1648 года приступили къ дѣлу. Рѣшено было выписать нужныя статьи изъ правилъ апостольскихъ и Св. Отцовъ, изъ законовъ Византійскихъ, собрать также указы прежнихъ русскихъ государей, справить ихъ съ старыми судебниками, а на каіе случаи прежнихъ указовъ — нѣтъ, написать вновь по общему совѣту, чтобъ «Московского государства всякихъ чиновъ людямъ, отъ большаго до меньшаго чина, судъ и расправа была во всякихъ дѣлахъ всеѣмъ равна». Собраніе статей и составленіе доклада поручено было боярамъ: князю Никитѣ Ивановичу Одоевскому, князю Семену Васильевичу Прозоровскому, окольному князю Волконскому и двоимъ дьякамъ Леонтьеву и Грибоѣдову. Постановлено было: по составленіи Уложенія, для его утвержденія, собрать Земскій Соборъ изъ выборныхъ людей всеѣхъ чиновъ. Велѣдъ за тѣмъ продажа табаку, соблазняяшая благочестивыхъ людей (въ первый годъ царствованія Алексеѣя Михайловича разрѣшено было куреніе табаку), была прекращена, и табакъ, приготовленный для продажи отъ казны, велѣно было сжечь.

Въ октябрѣ 1648 года, созванный Земскій Соборъ утвердилъ Уложеніе, состоявшее изъ 25 главъ. Въ составъ его вошли уголовное и гражданское судопроизводство.

Не смотря на благое намѣреніе государя ввести правосудіе въ русской землѣ, Уложеніе не только не ввело правосудія, но, со времени его введенія, жалобы народа на худое управленіе и на неправосудіе раздавались еще громче, чѣмъ прежде, вслѣдствіе чего народъ безпрестанно порывался къ мятежамъ.

Въ 1649 году исполнилось давнее желаніе русскихъ торговыхъ людей: права англійской компаніи уничтожились, всѣмъ англичанамъ вѣлно было уѣхать въ отечество; пріѣзжать съ товарами могли они впередъ не иначе какъ въ Архангельскъ, и платить за свои товары пошлины. Вдобавокъ было сказано, что государь прежде позволялъ имъ торговать беспошлинно «ради братской дружбы и любви короля Карлуса, но такъ какъ англичане всею землею своего короля Карлуса убили до смерти, то за такое злое дѣло англичанамъ не довелось быть въ Московскомъ государствѣ».

Ненависть русскихъ къ иностраннымъ купцамъ была такъ сильна, что они не удовольствовались изгнаніемъ англичанъ; два года спустя послѣ московскаго мятежа всныхнуло возстаніе въ древнихъ вѣчевыхъ городахъ Новгородѣ и Псковѣ (въ 1650 г.). Новгородцы, питавшіе уже давно непріязнь къ иностранцамъ, бросились на нѣмецкихъ купцовъ, которыхъ они заподозрили въ намѣреніи скупить весь хлѣбъ, — ограбили ихъ и посадили въ тюрьму. Воевода князь Хилковъ не могъ остановить возмущенія и убѣждалъ къ митрополиту Никону. Бунтующая толпа откужила домъ митрополичій, требуя выдачи воеводы; явился Никонъ и сталъ уговаривать мятежниковъ; въ отвѣтъ раздались крики: «Вотъ измѣнничій заступникъ!» и камни посыпались на митрополита. Думая, что Никонъ убитъ, толпа испугалась собственнаго дѣла и разошлась. Но Никонъ не былъ убитъ. Неожиданно раздается благовѣсть; Никонъ созываетъ духовенство, исповѣдуются, служатъ обѣдню, изможденный ложится въ сани и велитъ вести себя къ присутственнымъ мѣстамъ, гдѣ собрался народъ. Здѣсь онъ возобновляетъ свои увѣщанія. Съ площади Никонъ ве-

литъ везти себя въ Софійскій соборъ и тамъ предаеть проклятію главныхъ мятежниковъ. Между тѣмъ Никонъ успѣлъ обо всемъ извѣстить цари, который прислалъ въ Новгородъ грамоту, гдѣ писалъ, чтобъ новгородцы просили милости у митрополита, которому предоставлено на волю простить ихъ, но подъ условіемъ выдачи главныхъ зачинщиковъ мятежа. Опять Никонъ явился на площадь, три часа уговаривалъ народъ покориться царскому требованію и успѣлъ уговорить: болѣе 300 зачинщиковъ было выдано, изъ нихъ только одинъ казненъ смертію. Псковичи сопротивлялись долѣе; съ ними не обошлось безъ кровопролитія; но къ осени и они принесли повинную *).

Всѣ эти мятежи не могли пройти безслѣдно. Царь Алексѣй Михайловичъ хотя и не измѣнился въ своемъ обычномъ добродушіи, но сталъ недовѣрчивѣе, рѣже появлялся народу и принималъ мѣры предосторожности: всюду, куда онъ ни ѣздилъ, его сопровождали стрѣльцы. Его царское жилище постоянно было охраняемо вооруженной стражей и никто не смѣлъ приблизиться къ рѣшеткѣ, окружавшей дворецъ, никто не смѣлъ подать лично просьбу государю... Въ послѣдующіе за мятежами годы было положено начало тайной полиціи; учрежденіе это называлось Приказомъ Тайныхъ Дѣлъ, которое было поручено вѣдѣнію особаго дьяка. Доносы сдѣлались обычнымъ явленіемъ; зачастую людей ни въ чемъ неповинныхъ подвергали мучительнымъ пыткамъ. Народъ страдалъ отъ безправія, его грабили и притѣсняли всѣ власть имѣвшіе, а добродушный государь и вѣдать не вѣдалъ о томъ, что приходилось терпѣть народу отъ лицъ къ нему приближенныхъ, стоявшихъ во главѣ управленія государствомъ...

---

*) Въ Псковѣ поводомъ къ мятежу послужило слѣдующее обстоятельство. Москва обязалась заплатить шведамъ значительную сумму денегъ (191,000 р.) за тѣхъ переселенцевъ, которые перешли въ Россію изъ областей, уступленныхъ Швеціи по Столбовскому миру. Часть суммы положено было уплатить хлѣбомъ, и когда правительство велѣло отпустить шведамъ 11,000 четвертей хлѣба изъ псковскихъ житницъ, граждане взбунтовались и умертвили многихъ ненавистныхъ имъ чиновниковъ.

Однимъ изъ выдающихся государственныхъ дѣятелей царствованія Алексѣя Михайловича былъ, несомнѣнно, патріархъ Никонъ. Мы считаемъ необходимымъ сообщить о немъ подробныя свѣдѣнія, потому что человекъ этотъ принесъ много пользы и сдѣлалъ много добра для Россіи!

Патріархъ Никонъ изъ простого, крестьянскаго сословія достигъ самаго высшаго духовнаго сана, сдѣлался ближайшимъ совѣтникомъ и другомъ царя, а главное — первый сдѣлалъ попытку воспользоваться для улучшенія жизни русскаго народа тѣмъ просвѣщеніемъ, какое только что начинало тогда зарождаться въ Москвѣ. Поэтому мы и считаемъ необходимымъ познакомить читателей съ жизнеописаніемъ этого замѣчательнаго человека.

Въ 1605 году, въ маленькой деревенькѣ близъ Нижняго-Новгорода родился у одного бѣднаго крестьянина сынъ, названный при крещеніи Никитою. Мать этого ребенка вскорѣ умерла, а отецъ вступилъ во второй бракъ. Мачиха сильно не влюбила своего маленькаго пасынка Никиту, и стала даже искать случая какъ нибудь извести его. Рассказываютъ, что однажды Никита залѣзъ въ печку погрѣться, да и заснулъ тамъ. Замѣтивъ его въ печкѣ, мачиха наложила туда дровъ, зажгла ихъ, и ушла вонъ изъ избы... Дрова разгорѣлись, Никита проснулся и сталъ кричать... Благо, что на плачь его прибѣжала сосѣдка и вытащила изъ печки маленькаго Никиту. Въ другой разъ мачиха подсыпала ему мышьяку въ кашу, думая, что теперь-то ужъ пришелъ конецъ Никитѣ. Но маленькій Никита уменъ былъ не по лѣтамъ: замѣтивъ въ кашѣ что-то необыкновенное, онъ тотчасъ-же пересталъ ѣсть ее, напился холодной водицы, и остался живъ и невредимъ.

Вскорѣ отецъ отдалъ Никиту въ ученіе къ дьячку; но отъ побоевъ и притѣсненій мачихи, мальчикъ бѣжалъ въ Желтоводскій монастырь, гдѣ одинъ монахъ пріютилъ его у себя и сталъ обучать всему, чему только могъ. Однажды Никита вышелъ изъ монастыря

прогуляться по лѣсу. По дорогѣ набрелъ онъ на избушку, гдѣ жилъ старикъ-татаринъ, слывшій во всемъ околоткѣ за колдуна. Изъ любопытства Никита вошелъ въ избушку и спросилъ татарина: «что со мной станется?»—«Какого ты роду?» спросилъ старикъ.—«Простого роду, крестьянскаго», — отвѣтилъ Никита. Татаринъ посмотрѣлъ на него пристально и сказалъ: «Эге, малый, высоко тебѣ летать: царемъ ты будешь русскимъ, или патриархомъ!».....

Конечно, будущее извѣстно одному Богу. Но татаринъ былъ хитеръ: хотя будущаго онъ не могъ знать, за то звалъ, кому что сказать... Есть люди, которые захотятъ чего, того и добьются. А таковъ именно и былъ Никита. «А что, подумалъ онъ: царемъ русскимъ быть мнѣ, конечно, не придется: для этого нужно родиться въ царской семьѣ... А вотъ патриархомъ можно сдѣлаться всякому: стоитъ только учиться хорошенько, дѣлать добрыя дѣла и поступить въ монахи»... Съ тѣхъ поръ мысль эта не покидала Никиту.

Возвратился онъ въ монастырь, и сталъ учиться пристальнѣе прежняго. Но вскорѣ отецъ провѣдалъ, гдѣ скрывается его сынъ,—возвратилъ его въ деревню и опредѣлилъ въ дьячи. По смерти родителей, Никита опять хотѣмъ уйдти въ монастырь. Но, по настоянію родственниковъ, онъ долженъ былъ жениться и, по выбору прихода, поступить въ священники въ ту же деревню. Хорошо служилъ новый поць. Слава о немъ скоро дошла до Москвы, и тамошніе жители выписали его къ себѣ. Такъ священствовалъ Никита 10 лѣтъ и за это время лишился прижитыхъ имъ отъ брака троихъ дѣтей. Тогда Никита уговорилъ жену развестись съ нимъ и поступить въ монахини; самъ же отправился въ Анзерскій скитъ, что близъ Соловецкаго монастыря, и, подъ именемъ Никона, также постригся въ монашество. Не поладилъ онъ здѣсь съ монахами: строгій и крутой человекъ былъ Никонъ. Взялъ онъ подъ мышку двѣ старыя книги свои, въ которыхъ заключалось все его имущество, и отправился съ ними въ другой монастырь—въ Кожеозерскую пустынь. Умомъ сво-

имъ и строгой жизнью онъ вскорѣ возбудилъ удивленіе своихъ новыхъ товарищей, и былъ избранъ ими въ игумены.

Разъ случилось Никону, по дѣламъ пустыни, быть въ Москвѣ. Слухъ объ умномъ и начитанномъ игуменѣ дошелъ уже до царя Алексѣя Михайловича. Государь пожелалъ его видѣть. Во время перваго же свиданія, умный Никонъ такъ понравился царю, что тотъ немедленно велѣлъ остаться ему въ Москвѣ архимандритомъ Новоспасскаго монастыря. Здѣсь Алексѣй Михайловичъ еще ближе узналъ Никона, еще больше полюбилъ его и даже приказалъ ему каждую пятницу бывать во дворцовой церкви у заутрени, послѣ которой они бесѣдовали вдвоёмъ о писаніи и о дѣлахъ государственныхъ. Во время этихъ свиданій Никонъ сталъ ходатайствовать предъ царемъ за народъ, за бѣдныхъ и угнетаемыхъ судомъ и боярами. Доброта Никона понравилась Алексѣю Михайловичу, и онъ дозволилъ ему принимать отъ народа всѣ челобитныя къ царю, докладывать о нихъ послѣ заутрени и исполнять по нимъ царскія рѣшенія. И вотъ, каждую пятницу, раннимъ утромъ, когда Никонъ шелъ во дворецъ къ заутрени, за нимъ бѣжалъ по улицѣ народъ и кричалъ: «Ты печальникъ объ насъ»!.. А Никонъ отбиралъ у народа челобитныя и шелъ съ ними во дворецъ. Такъ онъ снискалъ себѣ любовь царя и народа.

Но вскорѣ пришлось Никону оставить Москву. Государь назначилъ его митрополитомъ въ Новгородъ и довѣрилъ ему не только заправлять тамъ духовными дѣлами, но и наблюдать надъ тамошнимъ мірскимъ судомъ и даже освобождать, по своему усмотрѣнію, невинныхъ изъ темницъ. Кромѣ того, Никонъ долженъ былъ, разъ въ мѣсяцъ, ѣздить оттуда въ Москву, для совѣщаній съ царемъ о государственныхъ дѣлахъ. Много старался Никонъ принести пользы и добра новгородскимъ жителямъ; но не всегда новгородцы платили ему за это благодарностью... Когда поднялся въ Новгородѣ мятежъ противъ иноземныхъ купцовъ (о которомъ мы говорили выше), то Никонъ попытался—было усмирить мятежъ увѣщаніями; но ему отвѣ-

Царь Алексѣй Михайловичъ среди народа.

тили на это грубой бранью и жестокими побоями. Дошла вѣсть до царя Алексѣя Михайловича, и царь поручилъ разслѣдовать это дѣло самому Никону. Тутъ Никонъ поступилъ такъ умно, что не сталъ мстить за себя мятежникамъ, а напротивъ:—онъ испросилъ у государя всеѣмъ имъ полное прощеніе, доказывая, что чрезъ это мятежь прекратится. Дѣйствительно, по объявленіи прощенія, мятежь тотчасъ же утихъ. Государь еще больше полюбилъ Никона за его доброту и находчивость ума.

Вскорѣ умеръ всероссійскій патріархъ Іосифъ, Государь рѣшился поставить на его мѣсто Никона. Въ это время Никонъ только что прибылъ въ Мосеву изъ Соловецкаго монастыря, съ мощами св. Филиппа. Въ Успенскомъ соборѣ, куда прибылъ онъ съ мощами, собрались бояре, народъ и Государь—просить Никона, чтобы онъ принялъ патріаршество. Но тотъ на-отрѣзъ отказался, говоря, что онъ недостойнъ столь высокаго сана. Тогда царь Алексѣй Михайловичъ палъ ницъ предъ мощами св. Филиппа и, плача, просилъ Никона принять патріаршество. Народъ также сталъ умолять его не покидать ихъ безъ пастыря. Въ церкви поднялся плачъ и вопль... Тогда Никонъ, оборотясь къ народу, спросилъ: «Будете ли слушаться меня во всемъ, что я хочу устроить для церкви?»—Народъ громко подтвердилъ его требованія и повлялся во всемъ повиноваться ему. И сталъ Никонъ патріархомъ!....

Добившись, такимъ образомъ своей завѣтной думы, Никонъ немедленно приступилъ къ уничтоженію всеѣхъ церковныхъ неурядицъ. Въ то время божественная служба совершалась крайне непристойно. Къ безпорядкамъ въ церквахъ привыкли уже все, и духовные и свѣтскіе, и думалъ всякій, что ужъ вѣрно такъ и должно быть. Но патріархъ Никонъ, сильнымъ умомъ своимъ, ясно различалъ, что нужно оставить, чего не должно быть ни въ какомъ случаѣ. Такъ онъ строго запретилъ одновременно пѣть и читать въ церквахъ, и постановилъ, чтобы вся служба совершалась неторопливо и по строгому порядку.

установленному на вселенскихъ соборахъ. Затѣмъ Никонъ издалъ приказаніе, чтобы все священники, по окончаніи обѣдни, говорили въ церквахъ проповѣди. Такихъ постановленій прежде ни одинъ русскій іерархъ не издавалъ. Никонъ, такимъ образомъ, первый ввелъ обычай въ Россіи—учить народъ вѣрѣ и писанію въ самыхъ церквахъ. Наконецъ, Никонъ обратилъ свое вниманіе на искорененіе безграмотности въ средѣ самого духовенства. Въ то время попы сплошь и рядомъ не умѣли совсѣмъ читать; службу же отправляли наизусть! Поэтому Никонъ приказалъ всѣмъ священникамъ учиться грамотѣ и писанію, и самъ сталъ экзаменовать всякаго духовнаго, при полученіи имъ какого нибудь мѣста. Незнающихъ или недостойныхъ по жизни, Никонъ сталъ безъ всякой пощады удалять отъ должности или же строго наказывать.—Всѣми сказанными усиліями онъ достигъ, подъ конецъ, того, что церковная служба стала совершаться въ тогдашнихъ церквахъ съ небывалымъ до того великолѣпіемъ и торжественностью. Образцомъ этого великолѣпія служилъ въ Москвѣ Воскресенскій монастырь, построенный самимъ Никономъ и названный государемъ за красоту «Новымъ Іерусалимомъ». Здѣсь Никонъ завелъ хоръ пѣвчихъ, самъ говорилъ проповѣди и украсилъ церковь съ большимъ великолѣпіемъ. Царь Алексѣй Михайловичъ любилъ бывать въ этой церкви и хвалилъ Никона за его любовь и заботы о церковной службѣ.

Вскорѣ Никонъ рѣшился взяться за самый важный трудъ въ своей жизни—это за исправленіе церковныхъ книгъ.

Встарину у насъ, какъ и вездѣ, не было печатныхъ книгъ. Всѣ книги, и церковныя, и свѣтскія, были рукописныя. Слѣдить же за правильностью переписыванья церковныхъ книгъ не было никакой возможности, сколько бы ни поставили для этого надзирателей, поэтому въ рукописныя книги успѣла вкрасѣться бездна ошибокъ. И не нужно было быть особенно образованнымъ человѣкомъ, чтобы замѣтить эту неправильность въ нихъ. Всякій мало-мальски грамотный

человѣкъ могъ уже видѣть, что въ двухъ книгахъ о томъ же самомъ говорится совершенно по разному. Дѣйствительно, въ то время многіе понимали, что нужно исправить церковныя книги, да только не зналъ никто — *какъ* исправить ихъ. А въ этомъ-то и заключалась вся трудность задачи.

Еще при Иванѣ Грозномъ, на Стоглавомъ соборѣ положено было, въ виду искаженія книгъ переписчиками, завести въ Москвѣ первый въ Россіи печатный станокъ. Но печать всего дѣла не могла поправить. Она предохраняла книги только отъ дальнѣйшихъ искаженій, а прежнія неправильности все-таки оставались. Значить, нужно было прежде всего исправить уже имѣвшіяся рукописи, а потомъ съ нихъ и начать печатаніе. Дѣйствительно, послѣ того многіе брались прямо за исправленіе церковныхъ книгъ. Такъ этимъ исправленіемъ занимались прежде еще Филаретъ Никитичъ Романовъ и патріархъ Іосифъ, на мѣсто котораго поступилъ Никонъ. Но у нихъ не доставало знанія и учености для этого дѣла. Не зная греческаго языка, съ котораго переводились самыя старинныя наши церковныя книги, и не умѣя отличить хорошенько подлиннаго и вѣрнаго отъ подложнаго, люди эти хотѣли исправить книги по тому, что сами знали, т.-е. по русскимъ же рукописямъ, по большей части, какъ уже сказано, искаженнымъ. Такъ съ дѣломъ они и не могли справиться. Разъ нашелся-было на Руси человѣкъ образованный и глубоко свѣдущій въ писаніи—это былъ монахъ Максимъ Грекъ, выписанный въ Москву для занятій въ одной библіотекѣ. Максимъ Грекъ сразу увидѣлъ всю неправильность русскихъ церковныхъ книгъ и принялся-было съ полнымъ знаніемъ дѣла и съ величайшею добросовѣстностью за ихъ исправленіе. Но тутъ оказалось, что не такъ трудно исправить книгу, какъ ввести исправленную книгу въ употребленіе. Максима Грека, несмотря на то, что онъ совершенно основательно и правильно говорилъ, что и почему нужно исправить, не только никто не послушалъ, но еще объявили его еретикомъ и развратителемъ писанія, и

сослали въ заточеніе на 33 года! Мы говорили также, что для пресѣченія дальнѣйшаго искаженія книгъ положено было, на Стоглавомъ соборѣ, завести печатные станки. И тутъ тоже оказалось, что легче напечатать книгу, чѣмъ распространить печатную книгу въ народѣ. Станокъ заведенъ былъ скоро; а какъ только выпустили печатную книгу, народъ и взбунтовался; печатниковъ объявили, за *печатаніе*, еретиками, а самые станки народъ сжегъ, какъ бѣсовскую затѣю... Въ наше время совсѣмъ не то, что было въ старину. Теперь, напротивъ, рукописной-то книгѣ никто и не вѣрить. А въ старину было иначе: тогда не хотѣли читать печатныхъ книгъ.

Послѣ всего выпесказаннаго, легко представить себѣ, какія трудности и опасности предстояли Никону, когда онъ рѣшился приступить къ исправленію церковныхъ книгъ. Но не такой человекъ былъ Никонъ, чтобы бояться опасностей или какихъ нибудь козней своихъ недоброжелателей. Ужъ если разъ убѣдился онъ, что нужно вотъ то-то сдѣлать, то ужъ дѣлалъ это дѣло, не оглядываясь, и доводилъ его до конца. Такой у него былъ стойкій и непреклонный характеръ! Сознавая всю важность исправленія церковныхъ книгъ и не взирая на печальную участь своихъ предшественниковъ по этому дѣлу, Никонъ съ твердою рѣшимостью принялся за работу. Тутъ-то и явились къ нему на помощь тѣ ученые монахи, которые тогда только что были выписаны изъ Кіева въ Москву другимъ замѣчательнымъ человекомъ того времени, Ѳеодоромъ Михайловичемъ Ртищевымъ. Эти-то ученые монахи, главнымъ образомъ, и указали Никону, что и какъ нужно исправить. Просвѣщеніе, занесенное ими въ Москву, преимущественно и освѣтило патриарху тѣ неправильности, ошибки и искаженія, которыя оставались до того времени никѣмъ не замѣченными. Но Никонъ не приступилъ къ столь важному дѣлу самовольно: онъ созвалъ предварительно, для обсужденія своего намѣренія, соборъ изъ русскихъ архіереевъ и святителей церкви. Соборъ этотъ единодушно одобрилъ намѣреніе Никона и благословилъ его

на доброе дѣло. Тогда въ Грузію, на Аеоны и во многія русскія святія мѣста посланъ былъ монахъ Арсеній Сухановъ за старинными греческими и русскими рукописями, и когда онѣ собраны были и привезены въ Москву, началось по нимъ исправленіе книгъ. Работа кипѣла подъ руками кіевскихъ ученыхъ монаховъ, въ особенности глубоко-свѣдущаго Епифанія Славинецкаго. Черезъ нѣсколько времени, съ благословенія новаго собора, во всѣхъ церквахъ уже введены были исправленныя книги, въ томъ видѣ, какъ мы знаемъ ихъ теперь.

Государь былъ весьма доволенъ исполненіемъ столь труднаго и важнаго дѣла, благодарилъ Никона и его сотрудниковъ, и часто называлъ его послѣ этого «своимъ учителемъ».

Въ 1654 году царь Алексѣй Михайловичъ отправился въ походъ, на войну съ поляками. Оставляя Москву, Государь поручилъ Никону оберегать царское семейство и управлять, за него, всѣми дѣлами государства. Въ отсутствіе царя открылась чума въ Москвѣ; Никонъ, чтобы спасти отъ моровой язвы ввѣренную ему царскую семью, удалился съ нею, на время, въ городъ Вязму. Когда возвратился государь съ войны, то не зналъ какъ благодарить Никона за спасеніе отъ страшной болѣзни своего семейства и за мудрое управленіе государствомъ въ столь тяжкое время. Царь Алексѣй Михайловичъ говорилъ ему: «Я не знаю, чѣмъ наградить тебя. Называйся ты съ этого времени: *«великимъ государемъ»*. И Никонъ сталъ тогда писаться на бумагахъ: «Великій государь, старѣйшій Никонъ, архіепископъ Московскій и всея Великія, Малыя и Бѣлыя Россіи и многихъ епархій, земли же и моря сея земли патріархъ»... Больше этой власти, выше этой чести, думалъ онъ, не можетъ достигнуть ни одинъ подданный въ Россіи.....

Но грозная туча уже собиралась надъ Никономъ. У него было много враговъ и ненавистниковъ. Попы ненавидѣли его за экзамены и за строгое наблюденіе за порядкомъ въ церквахъ. Въ особенности

ненавидѣли его разстриженные имъ и отрѣшенные отъ должности попы. Сильно также враждовали противъ него прежніе исправители церковныхъ книгъ. Плохо зная писаніе, люди эти, при патріархѣ Іосифѣ, получали все-таки жалованье за свое исправленіе,—и вотъ, когда Никанъ отказалъ имъ въ этомъ прибыльномъ занятіи, они возненавидѣли его сильнѣе всѣхъ. Стали прежніе исправители смущать противъ него народъ и говорить повсюду, что Никонъ—антихристъ. Многіе, по слѣпотѣ своей, повѣрили этой выдумкѣ и отдѣлились даже отъ Церкви... Никонъ не смущался. Онъ дѣятельно и неутомимо продолжалъ заниматься управленіемъ Церкви.

Но не влюбили Никона бояре. «Видишь ли, свѣтъ премилостивый, — говорили они другъ другу: возлюбилъ онъ стоять высоко и ѣздить широко!..» Бояре думали, что выше ихъ одинъ государь стоитъ, а тутъ пришлось имъ кланяться патріарху Никону, этому крестьянскому сыну, которому государь довѣрялъ во всякомъ дѣлѣ и котораго слушался самъ во всякомъ совѣтѣ... Въ самомъ дѣлѣ, ужь не слишкомъ ли высоко забрался Никонъ? — Какъ бы тамъ ни было, а недовольные имъ люди стали искать способовъ погубить его. «Вся сила Никона отъ того, думали они, что государь его любитъ и стоитъ за него. Нужно ихъ посорить»... И вотъ, разные недоброжелатели Никона начали стараться изъ всѣхъ силъ устроить дѣло такъ, чтобы Государь больше не видѣлся съ нимъ. «Никонъ такъ уменъ, говорили завистники, что государю стоитъ только взглянуть на него, чтобы снова оцѣнить и полюбить его по-прежнему». Стали тогда близкіе къ государю люди наговаривать ему, что Никонъ гордецъ и грубіянтъ; что забралъ онъ въ свои руки слишкомъ много власти... Царь Алексѣй Михайловичъ не повѣрилъ клеветамъ и извѣтамъ. Тогда враги Никона озлобились еще сильнѣе и поднялись на хитрости. Они стали искажать слова Никона: скажетъ онъ одно, государю передадутъ другое. Всѣ были возставлены противъ него.

Одинъ государь сомнѣвался и думалъ: «отъ чего Никону гордиться и возноситься предо мною? Онъ всегда любилъ и почиталъ меня».

Однакожь противники Никона добились своего. Царь Алексѣй Михайловичъ долго какъ-то не имѣлъ случая видѣться съ Никономъ. Думая, что государь сердится, и потому не хочетъ видѣться съ нимъ, Никонъ рѣшился положить конецъ всякимъ сомнѣніямъ. Если государь меня покинулъ, подумалъ онъ, на что мнѣ тогда власть и почести? Кому нужны тогда всѣ труды мои и заботы? И вотъ Никонъ пріѣзжаетъ въ Успенскій соборъ. Торжественно отслужилъ онъ обѣдню; по окончаніи ея сказалъ проповѣдь, и вдругъ обратился къ народу съ такими словами: «Лѣннвъ я сталь, не го-жусь быть патріархомъ, окоростѣвѣлъ отъ лѣни и вы окоростѣвѣли отъ моего неученья. Называли меня еретикомъ, иконоборцемъ, что я новыя книги завелъ, камнями хотѣли меня побить; съ этихъ поръ я вамъ не патріархъ»...

Въ церкви поднялся плачь и крикъ: «Отецъ нашъ! не покидай насъ сиротами!» — заговорилъ народъ. Никонъ снялъ съ себя патріаршую одежду и положилъ ее въ заранѣе приготовленный мѣшокъ... Но народъ вырвалъ этотъ мѣшокъ изъ рукъ его. Никонъ вышелъ тогда изъ церкви и сѣлъ въ карету... Но народъ выпрягъ лошадей. Никонъ всталъ и пошелъ пѣшкомъ; а народъ обогналъ его и заперъ Кремлевскія ворота. Тутъ пришелъ гонецъ отъ государя, велѣлъ отворить ворота, — и Никита удалился.

Ненавистникамъ его только того и нужно было. Они тотчасъ же донесли государю, что Никонъ ослушникъ, что онъ самовольно оставилъ патріаршество. А государь думаетъ: «Ничего я не пойму и не разберу въ этомъ дѣлѣ. Пусть судить Никона Соборъ изъ патріарховъ и архіереевъ»...

Тогда, по царскому приглашенію, съѣхались въ Москву два патріарха греческіе, греческіе и русскіе архіереи, и стали судить Никона. А враги его тѣмъ временемъ не дремали. Подкупами да уго-

шеніями они склонили на свою сторону почти всѣхъ свидѣтелей, и стали ожидать только, какое наказаніе положить Никону. Оставленный и покинутый всѣми, Никонъ явился на судъ. Не сталъ онъ плакать и просить о прощеніи у своихъ враговъ. Высказалъ онъ имъ только горькую правду. Почему и былъ осужденъ на лишеніе патриаршаго сана и на ссылку въ Терапонтовъ монастырь, на Бѣлоозеро, простымъ монахомъ. На другой день собрались его судьи одни, въ маленькой и бѣдной Троицкой церкви и призвали Никона. Явился онъ сюда на окончательный судъ. Горько стало Никону, что покинули его всѣ, что одинъ онъ предъ своими врагами. Не выдержалъ этого Никонъ и съ сердцемъ сказалъ судьямъ: «Если я достоинъ осужденія, то зачѣмъ вы привели меня тайно въ эту церковку; зачѣмъ нѣтъ его царскаго величества и всѣхъ его бояръ? Зачѣмъ нѣтъ всенароднаго множества людей россійской земли? Развѣ я въ этой церкви принялъ пастырскій жезлъ? Нѣтъ, я принялъ патриаршество въ соборной церкви предъ всенароднымъ множествомъ, не по моему желанію и старанію, но по прилежнымъ и слезнымъ моленіямъ царя. Туда меня ведите и тамъ дѣлайте со мною, что хотите». — «Тамъ ли, здѣсь ли — все равно», — отвѣчали ему судьи, и сняли съ него патриаршую одежду, одѣли въ простое монашеское платье, и велѣли ѣхать въ Терапонтовъ монастырь на Бѣлоозеро.

Вышелъ Никонъ изъ церкви, сѣлъ въ сани и сказалъ самъ себѣ: «Никонъ, Никонъ! Все это тебѣ случилось за то: не говори правды, не теряй дружбы! Если бы ты устраивалъ дорогія трапезы, да вечерялъ съ ними, то этого бы тебѣ не случилось».

— Молчи, молчи, Никонъ! — закричалъ съ насмѣшкой архимандритъ Сергій, приставленный къ нему въ провожатые.

Тутъ подошелъ къ Сергію экономъ Никона, Θεодосій, и сказалъ: «Патріархъ велѣлъ тебѣ сказать: если тебѣ дана власть, то приди и зажди ему ротъ!»

Р. Молво. 2Р.

рис. Н. Кошелева

— Какъ ты смѣешь называть патріархомъ простаго монаха?—
закричалъ Сергій.

На это кто-то изъ толпы замѣтилъ: «патріаршее наименованіе дано ему свыше, а не отъ тебя, гордаго»...

Такъ и уѣхалъ Никонъ на Бѣлоозеро, въ Оерапонтовъ монастырь. Царь Алексѣй Михайловичъ скоро сталъ скучать по немъ и писать ему письма. Сильно любилъ государь Никона, но не хотѣлъ идти противъ судей, не зная хорошенько кто тутъ правъ, кто виноватъ. Такъ и умеръ царь Алексѣй Михайловичъ, не добившись правды; но въ завѣщаніи своемъ просилъ своего сына, царя Ѳедора Алексѣевича, испросить у греческихъ патріарховъ справедливое рѣшеніе по Никонову дѣлу. Однако на пути Никонъ умеръ. Царь Ѳедоръ Алексѣевичъ послушался этихъ совѣтовъ и отправилъ въ Грецію пословъ съ своею грамотою.

Другимъ замѣчательнымъ сподвижникомъ царя Алексѣя Михайловича былъ Ѳедоръ Михайловичъ Ртищевъ, прославившійся необыкновенною добротою и честностью.

Ртищевъ родился въ 1625 году. Отецъ его служилъ при государѣ и занималъ должность царскаго постельничаго. Находясь постоянно, вмѣстѣ съ отцомъ своимъ, при царскомъ дворцѣ, Ртищевъ скоро сталъ извѣстенъ государю. Царь Алексѣй Михайловичъ любилъ его особенно за его рѣдкую любовь къ людямъ и правдѣ.

Всѣ современники Ртищева, близко знавшіе его, единогласно подтверждаютъ, что это былъ человѣкъ самой высокой добродѣтели. А доброта этого замѣчательнаго человѣка доходила до того, что онъ не могъ равнодушно слышать о бѣдствіяхъ людей и никогда не оставался при этомъ въ бездѣйствіи. Разъ онъ узналъ, что въ Вологдѣ, по случаю сильнаго неурожая, свирѣпствуетъ страшный голодъ и жителямъ не на что купить даже куска хлѣба. Ртищевъ, не имѣя въ это время денегъ при себѣ, немедленно продалъ всѣ свои лучшія одежды и серебряную посуду, и всѣ вырученныя деньги

Царств. Алексѣя Михайловича.

тотчасъ же отослалъ страдальцамъ. Въ другой разъ Ртищевъ собрался продавать свои богатые земли, лежавшія близъ Арзамаса. Многіе помѣщики стали торговать у него имѣніе и уже предлагали за него большія деньги. Но тутъ Ртищевъ узнаетъ, что земля нужна также арзамасскимъ жителямъ, которые, по бѣдности, однако, не могутъ купить ее. Ртищевъ, какъ только узналъ объ этомъ, тотчасъ же отказалъ помѣщикамъ въ продажѣ своей земли и уступилъ ее бесплатно арзамасскимъ крестьянамъ. Такъ вся жизнь его проходила въ заботахъ о счастіи и благѣ другихъ. Часто выкупалъ онъ на свои средства плѣнныхъ у турокъ и татаръ. Во время войны онъ отправлялся на поле сраженія, ухаживалъ тамъ за ранеными и содержалъ ихъ на свой счетъ. Близъ Москвы Ртищевъ открылъ бесплатную гостинницу для бѣдныхъ и разсылалъ по городу нарочныхъ разузнавать, нѣтъ ли гдѣ изнемогающихъ отъ голода и болѣзней. Часто самъ ходилъ по бѣднымъ кварталамъ Москвы, отыскивалъ тамъ больныхъ, привозилъ ихъ съ собою въ гостинницу и оказывалъ тамъ нужную помощь, а по выздоровленіи снабжалъ ихъ деньгами и одеждою. Словомъ, это былъ лучшій человѣкъ того времени. Появленіе такого человѣка на Руси показывало, что Россія стала уже приходить въ порядокъ, въ лучшее состояніе. Настала пора приняться за мирныя занятія, за усовершенствованіе внутренней жизни русскаго народа, за его образованіе...

Эту потребность понялъ и почувствовалъ прежде всего самъ Федоръ Михайловичъ Ртищевъ. У него было такое доброе сердце, что онъ не могъ видѣть не только страданій и боли тѣлесной, но не терпѣлъ и грубости въ самыхъ нравахъ людей и ихъ невѣжества. Это была такая нѣжная, какъ говорится—деликатная натура, которая не могла выносить нравственныхъ несовершенствъ въ человѣкѣ. Вотъ почему Ртищевъ сталъ подумывать о просвѣщеніи русскаго народа, о его образованіи. Зная, какъ важно просвѣщеніе для облагороженія сердца человѣческаго и для высшаго счастія людей,

Ртищевъ и сталъ искать способовъ завести образованіе въ Россіи, гдѣ не было до того ни одной школы, ни одного училища, исключая Кіева и Малороссіи. Кіевская collegія Петра Могилы пользовалась, въ это время, уже большою извѣстностью и въ самой Москвѣ. Поэтому Ртищеву естественно было подумать о кіевскихъ ученыхъ. Онъ и задумалъ выписать ихъ въ Москву на свой счетъ и открыть здѣсь, также на свои средства, училище.

Нужно замѣтить, что Ртищевъ, по своей безмѣрной добротѣ и по своимъ истиннымъ добродѣтелямъ, не многимъ тогда нравился. Въ то время, по всеобщему невѣжеству и грубости нравовъ, цѣнилась больше всего наружная, видимая добродѣтель. Бывало, богатый человѣкъ велитъ поставить свѣчу за обѣдней, отольетъ колоколь для церкви, раздастъ нищимъ сотню рублей,—и думаетъ, что онъ все уже сдѣлалъ, и можетъ послѣ это сколько угодно пьянствовать и притѣснять бѣдныхъ. А заботиться о счастіи другихъ и постоянно хлопотать изъ-за этого—мало кто думалъ. Вотъ почему Ртищева не многіе понимали и цѣнили, какъ слѣдуетъ. Нѣкоторые надъ нимъ даже подсмѣивались и говорили: «Вотъ какой смѣшной человѣкъ нашелся: гдѣ бы о самомъ себѣ заботиться, а онъ все больше—о другихъ!» Иные же прямо не терпѣли Ртищева: своей добротою онъ, какъ говорится, «кололъ имъ глаза». Вотъ почему не всѣ радовались, когда услышали, что Ртищевъ думаетъ завести въ Москвѣ образованіе. Многіе стали даже порицать его за это, въ особенности когда прошелъ слухъ, что онъ хочетъ распространить въ Россіи кіевскую ученость. Къ этому уже легко могли придратъся. Извѣстно, что Петръ Могила нашилъ себѣ, своими строгостями, много враговъ въ духовенствѣ, и потому противъ его collegіи поднимались даже бунты и въ самомъ народѣ. Эти враги Петра Могилы успѣли распространить худыя вѣсти о его collegіи и въ самую Москву. И здѣсь стали поговаривать о кіевскомъ училищѣ, что тамъ учатъ латыни и ересямъ, что Петръ Могила—отступникъ отъ вѣры и проч. И вотъ, когда

*

Ртищевъ задумалъ выписать въ Россію кіевскихъ ученыхъ, то стали и его обзывать еретикомъ и богоотступникомъ. Такъ, весною 1650 года, въ Москвѣ, у монаха Саула собрались нѣкто Иванъ Васильевичъ Засѣцкій, Лучка Тимоѣевъ Голосовъ и дьячекъ Благовѣщенскаго собора Костка Ивановъ, и стали шептаться между собою про Ртищева. Голосовъ говорилъ дьячку Косткѣ:

— Учится у кіевлянъ Ѳеодоръ Ртищевъ греческой грамотѣ, а въ той грамотѣ и еретичество есть. Извѣсти Благовѣщенскому протопопу (царскому духовнику), что я у кіевскихъ чернецовъ учиться не хочу.. кто по-латыни научится, тотъ съ праваго пути совратился. Да и о томъ вспомани протопопу: поѣхали въ Кіевъ учиться Перфилка Зеркальниковъ, да Иванъ Озеровъ, а граммату проѣзжую Ѳеодоръ Ртищевъ промыслилъ: поѣхали доучиваться у старцевъ кіевлянъ по-латыни... надобно ихъ воротить назадъ!

Дьячекъ Костка отвѣчалъ на это:

— Мнѣ и попъ Ѳома говорилъ: «скажи, пожалуй, какъ быть? дѣти мои духовные Иванъ Озеровъ да Перфілій Зеркальниковъ просятъ въ Кіевъ учиться!» Я ему говорилъ: «Не отпускай, Бога ради! Богъ на твоей душѣ это взыщетъ». А Ѳома говоритъ: «Радъ бы не отпустить, да они безпрестанно со слезами просятъ и меня мало слушаютъ»...

Приведенный разговоръ лучше всего показываетъ, какъ въ то время трудно было завести на Руси образованіе. Не только никто не хотѣлъ самъ учиться, но еще и другимъ старались помѣшать, обзывая всякое ученье «еретичествомъ». Не знаемъ, «извѣщалъ-ли» Костка царскаго духовника о Ѳеодорѣ Ртищевѣ и доносилъ-ли духовникъ о немъ царю, но, во всякомъ случаѣ, государь хорошо зналъ Ртищева и не могъ повѣрить никакимъ клеветамъ и выдумкамъ на него. Въ 1648 г., Ртищевъ, съ соизволенія царя, выписалъ изъ Кіева до 30 ученыхъ монаховъ, и выстроилъ для нихъ, на свой счетъ, близъ Москвы, на живописномъ мѣстѣ Андреевскій монастырь. Ртищевъ

далъ прибывшимъ ученымъ хорошее содержаніе, чтобы они могли безпрепятственно заниматься просвѣщеніемъ русскаго народа. На первый разъ предположено было перевести съ греческаго языка нѣсколько твореній св. Отцовъ и распространить ихъ въ народѣ. При монастырѣ открыто было также училище для людей всякаго званія, а ученые монахи обязались обучать ихъ разнымъ наукамъ.

Изъ этихъ ученыхъ монаховъ, прибывшихъ въ Москву по приглашенію Ртищева, отличался особеннымъ умомъ и познаніями Епифаній Славинецкій. Славинецкій обучался не только въ кіевской коллегіи, но довершилъ свое образованіе и въ заграничныхъ университетахъ. Епифаній Славинецкій зналъ нѣсколько языковъ и въ совершенствѣ изучилъ св. писаніе. Это былъ человекъ весьма трудолюбивый и честный. Всю жизнь проводилъ онъ надъ книгами и не искалъ никакихъ мірскихъ почестей. Одного желалъ онъ — принести какъ можно больше пользы русскому народу. Съ этою цѣлію онъ написалъ, въ то время, и перевелъ съ иностранныхъ языковъ множество свѣтскихъ и духовныхъ книгъ. Но главная его заслуга, какъ и его товарищей, выписанныхъ изъ Кіева Ртищевымъ, была еще впереди...

Ртищевъ горячо полюбилъ основанный имъ ученый монастырь и сильно привязался къ образованнымъ монахамъ. Онъ самъ постоянно бесѣдовалъ съ ними. День проводилъ на службѣ — во дворцѣ, а ночью шелъ въ монастырь учиться. Между тѣмъ, у Ртищева и безъ того дѣла было не мало. Царь Алексѣй Михайловичъ питалъ къ нему большое довѣріе и приблизилъ его къ себѣ. Онъ поручилъ ему управленіе мастерскою палатою и возвелъ въ званіе царскаго постельничаго. Зная доброе сердце Ртищева и его просвѣщенный умъ, царь довѣрилъ ему, вдобавокъ, воспитаніе своего старшаго сына — царевича Алексѣя. Честный и правдивый Ѳеодоръ Михайловичъ такъ усердно принялся за исполненіе порученной ему обязанности, что заботами о царевичѣ окончательно изнурилъ свое и безъ того слабое

здоровье. Когда же, въ 1670 году, царевичъ Алексѣй неожиданно скончался, Ртищевъ совершенно палъ духомъ и тѣломъ.

Еще раньше государь самъ предложилъ Ртищеву, за его заслуги предъ царемъ и народомъ, санъ боярина; но безкорыстный труженикъ, цѣня больше всего добрыя дѣла, добровольно отказался отъ предложенной ему чести...

Въ 1673 году, на 48 году своей жизни, Федоръ Михайловичъ Ртищевъ скончался. Умирая, онъ прежде всего вспомнилъ о простомъ народѣ, и просилъ своихъ родственниковъ—обращаться съ крѣпостными людьми кротко и человѣколюбиво, не отягощать ихъ работами, и убѣждалъ считать крестьянъ своими меньшими братьями...

Эта безконечная любовь къ простому человѣку, эта неустанная заботливость о немъ даже на одрѣ смерти.—показываетъ намъ, какою высокою душу имѣлъ Ртищевъ, истощившій все свое здоровье и положившій всю жизнь свою на благо и счастье русскаго народа!

Третьимъ замѣчательнымъ дѣятелемъ въ царствованіе Алексѣя Михайловича былъ Артамонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ.

Артамонъ Сергѣевичъ роду былъ незнатнаго: отецъ его занималъ въ то время мѣсто *дьяка*, по нынѣшнему—чиновника средней руки. Но молодой Матвѣевъ, умомъ своимъ, необыкновенной честностью и добротою, скоро сталъ извѣстенъ царю и всему русскому народу.

Артамонъ Сергѣевичъ родился въ 1625 году, и еще въ молодыхъ лѣтахъ поступилъ въ военную службу. Здѣсь необходимо замѣтить, что въ то время не было на Руси такого войска, какъ мы знаемъ теперь. Такіе солдаты, какъ нынѣшніе, пошли только съ Петра Великаго. А до него постоянное русское войско составляли такъ называемые *стрѣльцы*, въ первый разъ введенные царемъ Иваномъ Грознымъ. Стрѣльцы эти походили скорѣе на казаковъ, чѣмъ на солдатъ. Жили они подъ Москвою въ отдѣльной слободѣ, съ женами и дѣтьми, въ своихъ собственныхъ избахъ, и занимались разными ремеслами, торговлею и хлѣбопашествомъ. Только во время войны повидали они

Стрѣлецкую слободу; во всякое-же другое время жили, какъ живутъ городскіе мѣщане, исключая, разумѣется, обязанности являться на караулы и на полковое ученье. Вотъ въ это-то стрѣлцкое войско и поступилъ Артамонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ. Вскорѣ государь замѣтилъ его по службѣ, какъ человѣка умнаго, правдиваго и расторопнаго. А однажды царь Алексѣй Михайловичъ имѣлъ случай убѣдиться въ необыкновенной честности Матвѣева. Это было въ войну съ поляками. Русскіе осаждали тогда городъ Львовъ. Дѣло было осеннее, наступила зима. Пошли холода, дожди и вьюги, — ужь до врага-ли тутъ! Вотъ и рѣшились русскіе отступить отъ города. Замѣтивъ отступление русскихъ, непріятель выслалъ въ погоню за ними отрядъ. Измученные голодомъ и голодомъ, войска наши не могли сопротивляться свѣжимъ непріятельскимъ силамъ и поспѣшно разбѣжались, оставивъ на полѣ битвы всѣ орудія и ратные припасы. Узнавъ объ этомъ, непріятель хотѣлъ-было прибрать русское добро къ своимъ рукамъ. Но не допустилъ до этого Артамонъ Сергѣевичъ. Съ немногими оставшимися на мѣстѣ людьми, онъ подобралъ наши орудія и припасы, самъ впрягся съ ними въ пушки и привезъ ихъ на себѣ въ безопасное мѣсто... Такимъ образомъ спасено было отъ непріятеля 59 пушекъ и много другихъ военныхъ припасовъ. За такую честную службу Матвѣева государь полюбилъ его еще болѣе, а вскорѣ сдѣлалъ даже вполне близкимъ къ себѣ человѣкомъ.

Нужно замѣтить, что царь Алексѣй Михайловичъ, отецъ Петра Великаго и внукъ Филарета Никитича Романова, былъ государь необыкновенный. По наружности это былъ человѣкъ красивый: полный, бѣлый, румяный, съ длинною свѣтлорусой бородою и съ большими и кроткими голубыми глазами. По душѣ—это былъ человѣкъ чрезвычайно добрый и ласковый. Современники прозвали его «кротчайшимъ» государемъ. Часто ходилъ онъ тайно, по ночамъ, по городскимъ тюрьмамъ и освобождалъ преступниковъ. Въ нѣкоторые дни въ году онъ кормилъ въ своемъ дворцѣ нищихъ и даже самъ подавалъ

имъ кушанья. Словомъ, это былъ человѣкъ чрезвычайно набожный. При этомъ Алексѣй Михайловичъ былъ уменъ и начитанъ. Любилъ поговорить съ знающимъ человѣкомъ о писаніи и о другихъ ученыхъ предметахъ. Будучи человѣкомъ добрымъ и начитаннымъ, онъ цѣнилъ эти качества и въ другихъ людяхъ. Дѣйствительно, Алексѣй Михайловичъ умѣлъ выбирать людей. Мы уже знаемъ, каковъ былъ Никонъ и Ртищевъ, къ которымъ государь питалъ большое довѣріе и даже дружбу. А разъ, выбравши человѣка, Алексѣй Михайловичъ привязывался къ нему уже всею душою. Безъ друзей онъ не могъ даже и обходиться. Такое у него было любящее сердце. И вотъ, когда царь Алексѣй Михайловичъ лишился друга въ Никонѣ, онъ сталъ питать привязанность къ Артамону Сергѣевичу Матвѣеву.

Артамонъ Сергѣевичъ какъ разъ подходилъ подъ вкусъ государя. Это былъ человѣкъ также правдивый, умный и начитанный. Матвѣевъ зналъ чуть-ли не все, что только тогда написано было въ Россіи. Онъ даже самъ сочинялъ и, между прочимъ, составилъ исторію прежнихъ русскихъ государей. Сверхъ того, Артамонъ Сергѣевичъ имѣлъ много случаевъ бывать въ чужихъ странахъ, ко многому тамъ присмотрѣться, и потому зналъ кое-что объ иноземныхъ порядкахъ, о тамошнихъ нравахъ и обычаяхъ людей. А такъ какъ Матвѣевъ былъ еще вдобавокъ человѣкъ честный и умный, то, понятно, царь Алексѣй Михайловичъ находилъ большое удовольствіе въ разговорахъ и бесѣдахъ съ нимъ. Царь все больше и больше привязывался къ нему. Сталъ давать ему важныя порученія и совѣтываться съ нимъ о государственныхъ дѣлахъ. Алексѣй Михайловичъ поручилъ Матвѣеву даже воспитаніе своихъ дѣтей, и наконецъ сталъ называть его «своимъ другомъ», и ходить къ нему въ домъ запросто, поговорить и отдохнуть отъ государственныхъ дѣлъ. Разъ Матвѣеву пришлось надолго уѣхать изъ Москвы по дѣлу; царь Алексѣй Михайловичъ вскорѣ заскучалъ по немъ, просилъ поскорѣе воротиться въ Москву и писалъ Артамону Сергѣевичу: «Безъ тебя осиротѣли дѣти мои и я: за

Врученіе бунчука и булавы гетману Федору Богданку.

ними присмотрѣть некому, а мнѣ посовѣтоваться безъ тебя не съ вѣмъ»...

Сдѣлавшись столь близкимъ къ государю, Матвѣевъ сталъ употреблять эту близость на пользу народа. Въ это время Артамонъ Сергѣевичъ былъ стрѣлецкимъ головою, т. е. полковникомъ, и, кромѣ того, занималъ много другихъ должностей въ государствѣ, такъ что въ подчиненіи у него было множество народа. Ласковый и привѣтливый съ подчиненными, Матвѣевъ никому ни въ какой просьбѣ не отказывалъ. Самъ стараясь быть справедливымъ во всякомъ дѣлѣ, онъ не терпѣлъ несправедливости и въ другихъ людяхъ. Если случилось ему узнать неправду какую, притѣсненіе отъ кого-либо, то онъ немедленно вступался за обиженнаго и часто ходатайствовалъ за него предъ государемъ. Кромѣ того, Матвѣевъ многимъ помогалъ въ нуждѣ и раздавалъ бѣднымъ большія деньги. Народъ сильно любилъ за это Артамона Сергѣевича и разъ доказалъ ему эту любовь на дѣлѣ, по слѣдующему случаю.

Будучи другомъ царя и занимая видное мѣсто въ государствѣ, Артамонъ Сергѣевичъ продолжалъ жить въ маленькомъ и старомъ домикѣ. По желанію государя, который часто самъ бывалъ въ его домѣ, Матвѣевъ собрался, наконецъ, построить себѣ большое помѣщеніе; но онъ долго не могъ приступить къ постройкѣ, не найдя во всей Москвѣ камней для фундамента. Разнесся слухъ объ этомъ по городу. Тогда стрѣльцы и народъ уговорились между собою и толпами пришли на дворъ Матвѣева. Выбранные отъ народа старшины вызвали Артамона Сергѣевича на крыльцо и сказали: «Ты нуждаешься въ каменьяхъ. Мы привезли ихъ и просимъ принять отъ насъ въ подарокъ».

— Друзья мои, — отвѣчалъ Матвѣевъ: я подарковъ не хочу принимать; а если есть у васъ камень, такъ продайте его, — по милости Божіей я могу купить.

— Не продадимъ камней ни за какія деньги,—заговорилъ народъ: а даримъ ими нашего благодѣтеля!

Долго Артамонъ Сергѣевичъ не соглашался принять отъ народа даровыхъ камней, но подь-конецъ долженъ былъ все-таки уступить неотступнымъ просьбамъ, и велѣлъ привезти камни. Но каково было удивленіе Матвѣева, когда на слѣдующій день онъ увидѣлъ на на своемъ дворѣ *плиты съ могилъ!*.. Тутъ снова подошли къ нему старшины отъ народа и, показывая на могильные памятники, сказали:

— Эти камни привезены съ могилъ отцовъ и дѣдовъ нашихъ. Оттого-то мы не могли продать ихъ ни за какія деньги; но даримъ ихъ тебѣ, нашему благодѣтелю!

Удивленный Артамонъ Сергѣевичъ не зналъ что дѣлать: принимать ли отъ народа такой небывалый подарокъ, или нѣтъ, — и рѣшился отправился за совѣтомъ къ самому Государю. Выслушавъ рассказъ Матвѣева, Алексѣй Михайловичъ сказалъ:

— Другъ мой, прими этотъ даръ народа, который изъ любви къ тебѣ раскрылъ отцовскія могилы.. Отъ такого подарка и я бы не отказался.

Послѣ этого Артамонъ Сергѣевичъ рѣшился взять у народа плиты съ могилъ, и выложилъ изъ нихъ фундаментъ для своего новаго дома.

Такъ жилъ Артамонъ Сергѣевичъ, любимый и уважаемый царемъ и народомъ. Но онъ не зналъ еще той чести, какая ожидаетъ его.

Разъ царь Алексѣй Михайловичъ тайно вышелъ изъ своихъ палатъ и отправился къ Матвѣеву побесѣдовать съ нимъ запросто о разныхъ дѣлахъ. Дѣло было къ ночи. Подали ужинъ. Вошла хозяйка съ сыномъ и съ своей воспитанницею Наталіей. Всѣ низко поклонились государю и сѣли за столъ. Царь хотя и часто бывалъ у Матвѣева, но ни разу еще не видалъ у него приемыша.—Натальи.

Залюбовавшись на красоту ея, Алексѣй Михайловичъ спросилъ Матвѣева:

— Я думалъ, что у тебя одинъ только сынъ, а у тебя, Артамонъ Сергѣевичъ, и дочь есть?

— Подлинно, государь: у меня одинъ только сынъ,—отвѣчалъ Матвѣевъ, а это—дочь друга и родственника моего Кирилла Полуектовича Нарышкина. Онъ не богатъ, семья у него большая: жена моя и взяла дочь его на свои руки.

— Доброе и богоугодное дѣло,—замѣтилъ царь.

Послѣ ужина, оставшись на-единѣ съ Матвѣевымъ, Алексѣй Михайловичъ сказалъ:

— Воспитанница твоя дѣвица хорошая. Она уже въ порѣ замужь, ей надобецъ женихъ.

— Правда, государь; но она бѣдна, — отвѣчалъ Артамонъ Сергѣевичъ.

— Богатъ Богъ милостію,—замѣтилъ царь. Статся можетъ, Богъ пошлетъ ей такого жениха, который не станетъ спрашивать что за нею. Подумай-ка, мой другъ, надосугѣ, а я постараюсь, авось и сыщемъ человѣка...

Послѣ этихъ словъ, государь простился съ Матвѣевымъ и вышелъ.

Черезъ нѣсколько дней Алексѣй Михайловичъ снова посѣтилъ Артамона Сергѣевича. Поговоривъ съ нимъ о разныхъ государственныхъ дѣлахъ, царь подеонецъ спросилъ его:

— Ну, что, надумался ли ты о судьбѣ своей воспитанницы? А мнѣ удалось сыскать ей жениха; женихъ этотъ богатъ и старается быть добрымъ человѣкомъ.

— Государь, — отвѣчалъ Матвѣевъ, я люблю Наталью, и потому желалъ бы знать имя жениха ея, чтобы судить о немъ.

— Женихъ этотъ, отвѣчалъ царь: я самъ, и жду только ея согласія...

Измученный столь неожиданнымъ предложеніемъ, Артамонъ Сергѣевичъ сталъ-было отказываться отъ предложенной чести, ссылаясь на зависть и злобу людей; однакожь долженъ былъ уступить непремѣнному желанію царя. Дѣйствительно, чрезъ нѣсколько времени, по тогдашнему обычаю, представлены были царю 60 невѣстъ на смотрины, и изъ этихъ 60 невѣстъ, какъ бы ненамѣренно, выбрана была Наталья Кирилловна Нарышкина. Такимъ образомъ, воспитанница и родственница Матвѣева сдѣлалась супругою царя Алексѣя Михайловича, а впоследствии—матерью Петра Великаго.

Породнившись съ государемъ, Артамонъ Сергѣевичъ сталъ пользоваться еще бѣльшимъ довѣріемъ его; а получивъ санъ боярина, онъ сдѣлался самымъ важнымъ и сильнымъ человѣкомъ въ государствѣ.

Мы уже знаемъ, что Матвѣевъ много читалъ, имѣлъ много случаевъ бывать въ чужихъ краяхъ и присмотрѣться къ чужеземнымъ порядкамъ, къ тамошнимъ нравамъ и обычаямъ. Кромѣ того, въ его время образованіе распространялось на Руси иностранцами, часто пріѣзжавшими въ Россію для торговыхъ дѣлъ или по приглашенію самихъ государей.

Все это давало возможность умному и любознательному Артамону Сергѣевичу познакомиться съ лучшими нравами и обычаями. Мы знаемъ также, что Матвѣевъ былъ человѣкомъ честнымъ и весьма заботливымъ о пользѣ русскаго народа и о его счастіи. Теперь понятно будетъ, что такой человѣкъ естественно могъ пожелать улучшить на дѣлѣ прежній, не совсѣмъ разумный бытъ русскаго человѣка.

Дѣйствительно, Артамонъ Сергѣевичъ давно подумывалъ объ улучшеніи жизни русскихъ людей. Но Матвѣевъ былъ человѣкъ весьма благоразумный и осторожный. Онъ зналъ уже по примѣру Никона, какъ легко разными нововведеніями нажить себѣ враговъ и тѣмъ погубить себя безвременно. Притомъ, онъ не похожъ былъ и по ха-

рактору на Никона. Тотъ, чего разъ захотѣлъ, то ужъ стремился достигнуть этого изо всѣхъ силъ, шелъ къ цѣли, что называется, очертя голову, забывая всякія опасности и пренебрегая даже своимъ собственнымъ здоровьемъ и самою жизнью. А бояринъ Матвѣевъ любилъ пожить вдоволь и скромно. Дѣлая одно дѣло, онъ не забывалъ и другаго; любя трудъ и справедливость, онъ не пренебрегалъ и удовольствіями и спокойною жизнью. Словомъ, это былъ вполне русскій человѣкъ — разсудительный, смѣтливый и неторопливый. Постоянно присматриваясь ко всему, все оцѣнивая по достоинству, онъ, въ то же время, молчалъ, какъ говорится, моталъ себѣ на усъ, и не торопился съ нововведеніями до тѣхъ поръ, пока не вошелъ въ силу при государѣ и въ любовь у народа. Но и тутъ Артамонъ Сергѣевичъ не приступилъ къ дѣлу, что называется, очертя голову. Какъ мы увидимъ сейчасъ, Матвѣевъ сталъ постепенно и осторожно вводить улучшенія въ жизнь, дѣлалъ перемѣны въ быту почти незамѣтно для другихъ и не выступая съ своимъ дѣломъ напоказъ всѣмъ.

Одновременно съ Артамономъ Сергѣевичемъ жилъ въ Москвѣ еще человѣкъ, также отличавшійся сильной любовью къ нововведеніямъ. Этотъ человѣкъ былъ министръ того времени, также любимецъ и другъ государя, умный и честный правитель, Ордынъ-Нащокинъ. Нащокинъ первый положилъ начало многимъ хорошимъ порядкамъ въ государствѣ. Такъ онъ устроилъ *первую* почту въ Россіи, завелъ *первую* у насъ газету, и выстроилъ на Каспійскомъ морѣ *первый* русскій корабль, для морской торговли съ Персіей. Эти важныя нововведенія показываютъ, какъ онъ много могъ сдѣлать для пользы государства русскаго. Но гордый и раздражительный по характеру, Ордынъ-Нащокинъ не поладилъ съ современниками, нажилъ себѣ много враговъ, и, въ концѣ концовъ, не смотря на все расположеніе къ нему государя, дѣла его рухнули и онъ долженъ былъ даже отказаться отъ управленія ими. Выйдя изъ мини-

стровъ въ отставку, Нащокинъ, подъ именемъ Антонія, постригся въ монахи.

Этотъ примѣръ заставлялъ Матвѣева быть еще осторожнѣе и благоразумнѣе въ своихъ нововведеніяхъ. Въ виду всего сказаннаго, Артамонъ Сергѣевичъ и началъ дѣло прежде всего съ самого себя не касаясь другихъ людей, притомъ началъ перемѣны съ мелочей.

Такъ Артамонъ Сергѣевичъ прежде всего отдѣлалъ свой домъ на заграничный манеръ, тотъ самый домъ, который выложенъ былъ изъ плитъ съ могилъ старинныхъ русскихъ людей. Онъ поставилъ внутри него заграничную мебель: стулья, столы и кресла; по стѣнамъ развѣсилъ дорогія итальянскія картины, и завелъ въ домъ даже часы. До него во всей Россіи часы были только въ домъ одного государя, и то какъ рѣдкость; а прочіе русскіе люди немногіе и слышали о часахъ.

Окруживъ себя заграничной обстановкою, Артамонъ Сергѣевичъ измѣнилъ и самый порядокъ своей жизни. Въ то время и бояре и простой народъ сильно любили выпить. Отого, если бывало и соберутся у когонибудь гости, то только съ тѣмъ, чтобы попить и поѣсть вдоволь. О дѣлахъ же разныхъ и объ ученыхъ предметахъ они не любили разсуждать подолгу и сообща. По дѣлу, бывало, идетъ къ кому-нибудь только одинъ, и то по крайней надобности; а какъ собралось вмѣстѣ нѣсколько человекъ — сейчасъ же всякія дѣла въ сторону, и принимаются за пьянство. Этотъ обычай сохранился и до сихъ поръ по нашимъ селамъ и глухимъ городамъ, гдѣ безъ вина или безъ обѣда — и сходъ не въ сходъ, и собранье не въ собранье... Артамонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ первый и завелъ на Руси обычай — собирать гостей только для дѣла. Соберутся, бывало, гости къ нему все умные и начитанные люди, часто даже иностранцы, и стануть вести разговоръ объ ученыхъ предметахъ да объ общественныхъ дѣлахъ. Ни о какомъ пьянствѣ, объяденіи, или безобразіяхъ — уже и помину не было. А это дѣло также большой важности.

Бояринъ Матвѣвъ показалъ примѣръ русскимъ людямъ, что каждому прежде всего нужно интересоваться *дѣломъ*, и что всякое дѣло требуетъ не вина, а ума и совѣтовъ съ другими людьми.

Наконецъ, Артамонъ Сергѣевичъ завелъ у себя въ домѣ и небывалыя до того удовольствія. Безъ удовольствій или веселія, человеку прожить, конечно, нельзя. Но до Матвѣва русскіе, кромѣ пьянства, иного веселія и не знали. Всѣ думали, что если нужно кому доставить себѣ удовольствіе, такъ тому слѣдуетъ только напиться хорошенько хмельнаго да побольше пищи разной съѣсть. Въ этомъ только и видѣли удовольствіе, къ нему только и прибѣгали, и пили всѣ—отъ мала до велика. Артамонъ Сергѣевичъ Матвѣвъ, сознавая весь вредъ отъ такого веселія, все его безобразіе и всю порчу отъ него человѣка, придумалъ для русскихъ новое веселіе, небывалыя удовольствія. Онъ завелъ, вначалѣ, конечно, у себя въ домѣ, *театръ* и *музыку*. Отъ театра или музыки всякій получилъ удовольствіе, вреда же въ нихъ никому нѣтъ никакого. Напротивъ, человѣкъ смышленный можетъ получить отъ нихъ еще пользу большую, такъ какъ театры за тѣмъ и заведены, чтобы изображать жизнь со всѣми ея недостатками и со всѣми ея хорошими сторонами.— Такъ какъ до Матвѣва ни театровъ, ни музыки русскіе еще не знали, то Артамону Сергѣевичу пришлось выписать изъ-за границы музыкантовъ и актеровъ; а тѣ обучали этимъ искусствамъ его дворовыхъ людей,—и завелся такимъ образомъ въ домѣ Матвѣва первый русскій театръ. Представленія на немъ стали давать духовнаго содержанія, напримѣръ: какъ волхвы шли на поклоненіе родившемуся Христу, или какъ спаслись три отрока въ огненной печи, и т. д. Свѣтскихъ же представлений бояринъ Матвѣвъ еще не рѣшался заводить, такъ какъ и тѣ были для всѣхъ большою новостью. Многіе называли даже и эти духовныя представленія «бѣсовщиною».

Внося, мало-по-малу, перемѣны и улучшения въ прежній бытъ русскій, Матвѣвъ нѣсколько измѣнилъ и тогдашнее положеніе жен-

щинъ. До него во всѣхъ богатыхъ домахъ женщинамъ строго запрещено было показываться постороннимъ мужичнамъ. Придутъ, бывало, къ кому-нибудь гости:— и всѣ, какія есть въ домѣ, женщины тотчасъ же бѣгутъ за перегородку, или на свою половину, да такъ и сидятъ тамъ все время, пока не уйдутъ гости. А на улицу женщины выходили не иначе, какъ плотно закрывшись фатою, по татарскому обычаю, чтобы и лица не видно было. Даже царица и царевны наши никогда не показывались не только народу, но и близкимъ въ государю мужчинамъ. Въ церковь онѣ ѣздили въ наглухо-закрытыхъ каретахъ, или же устраивали дѣло такимъ образомъ: соберутся царевны, напримѣръ— въ Успенскій соборъ,— и тотчасъ же особые пристава оповѣстятъ народъ, чтобы всѣ уходили съ Кремлевской площади, самыя ворота въ Кремль запираютъ и строго наказываютъ, чтобы даже изъ оконъ домовъ никто не смѣлъ смотрѣть на площадь. Поѣдутъ царевны по пустой площади, а по сторонамъ ихъ все-таки несутъ еще ширмы. Вотъ этотъ-то обычай прятать женщинъ ото всѣхъ людей— первый и вывелъ въ своемъ домѣ Артамонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ. Его жена стала выходить ко всѣмъ гостямъ; угощала ихъ, разговаривала съ ними, слушала разговоры другихъ, а чрезъ это сама сдѣлалась умнѣе многихъ тогдашнихъ женщинъ.

Такимъ образомъ Матвѣевъ, мало-по-малу, совсѣмъ измѣнилъ свой бытъ. Царю Алексѣю Михайловичу понравились новыя затѣи Матвѣева. Видитъ царь, что все у него въ домѣ не такъ, какъ у другихъ русскихъ людей, а все-таки умно, удобно и пристойно; не было тамъ никакихъ безобразій, ни безразсудныхъ обычаевъ,— и сталъ царь Алексѣй Михайловичъ заводить и у себя во дворцѣ такіе же порядки. Такъ, онъ построилъ въ своемъ селѣ Преображенскомъ «комедійную хоромину», т. е. театр. Потомъ и въ самомъ Кремлѣ выстроилъ «комедійную палату». И здѣсь стали давать представленія вначалѣ также духовнаго содержанія. Подъ конецъ же рѣшились посмотрѣть и на свѣтское представленіе. Однажды актеры

Принятіе Богданомъ Хмельницкимъ подданства Россіи.

разыграли даже одно иностранное представлѣніе (Орфей) съ танцами и плясовою музыкою, что, по своей новизнѣ, привело вначалѣ и государя и всю публику въ большое смущеніе, а подконецъ все-таки всѣмъ понравилось.

И царица Наталья Кирилловна, бывшая воспитанница Матвѣева, таже стала постепенно привыкать показываться людямъ. Однажды помогъ ей въ этомъ дѣлѣ маленькій сынъ ея, царевичъ Петръ, будущій великій государь Россіи. Пришелъ къ царю Алексѣю Михайловичу въ комнату, по какому-то дѣлу, посоль иностранный. Наталья Кирилловна, изъ любопытства, немного пріотворила дверь изъ своей комнаты и осторожно стала смотрѣть изъ-за щели; а царевичъ Петръ, бывшій въ это время съ матерью, взялъ да и отворилъ дверь настежь... Такимъ образомъ посоль иностранный увидалъ царицу. Наконецъ, Наталья Кирилловна рѣшилась показаться и народу. Когда она вышла въ первый разъ на балконъ, народъ потушилъ внизъ глаза и не смѣлъ, отъ смущенія, взглянуть на царицу. Такъ ново было дѣло! Когда же Наталья Кирилловна въ первый разъ вышла на улицу въ открытой коляскѣ, то всѣ увидѣли въ этомъ приближеніе антихриста...

Такимъ образомъ, бояринъ Матвѣевъ постепенно измѣнялъ и улучшалъ прежній бытъ русскихъ людей. Мы видѣли уже, сколько ввелъ онъ разумныхъ порядковъ и старался уничтожить вредныхъ обычаевъ. Онъ такъ осторожно дѣйствовалъ, что никто не укорялъ его за нововведенія, къ которымъ, наоборотъ, всѣ скоро привыкали. Всякій зналъ, что Артамонъ Сергѣевичъ человекъ добрый, умный и набожный, а потому никто не боялся его затѣй и не старался противодействовать имъ. И народъ, и бояре—всѣ любили и слушались Матвѣева. Много хорошаго могъ онъ, поэтому, сдѣлать для жизни и самыхъ нравовъ русскихъ людей, если бы не умеръ вскорѣ его другъ и заступникъ, царь Алексѣй Михайловичъ.

Царств. Алексѣя Михайловича.

3

Несмотря на всю осторожность и благоразуміе Артамона Сергѣевича, по смерти государя, у него все-таки нашлись враги. Враги эти возненавидѣли Матвѣева не за его нововведенія, а за власть и силу въ государствѣ. Нужно замѣтить, что Наталья Кирилловна Нарышкина была второю женою царя, а первая его жена была изъ рода Милославскихъ. Когда Алексѣй Михайловичъ женился на воспитанницѣ Матвѣева, Милославскіе и стали завидовать Артамону Сергѣевичу, такъ какъ желали одни находиться въ родствѣ съ государемъ. Но при жизни государя они не могли и думать о мести Матвѣеву. Когда же на царскій престолъ, по смерти Алексѣя Михайловича, вступилъ старшій сынъ его Феодоръ Алексѣевичъ, родившійся не отъ Натальи Кирилловны, а отъ перваго брака царя,—то Милославскіе снова вошли въ силу при царѣ и такимъ образомъ получили возможность погубить Матвѣева. Хотя новый государь любилъ Артамона Сергѣевича, своего бывшаго воспитателя, однакожъ Милославскимъ, въ то время, легко удалось обвинить Матвѣева въ черно-книжии и въ нерадѣннн о царскомъ здоровьи. За такую-то, по нынѣшнему времени, совсѣмъ невѣроятную вину, у боярина Матвѣева отобрали все имущество, самого его лишили боярскаго сана и сослали на поселеніе въ Архангельскую губернію, въ острогъ Пустозерскій, гдѣ Артамонъ Сергѣевичъ нѣсколько лѣтъ провелъ въ крайней нищетѣ и горькомъ униженіи.

Впослѣдствіи, во время стрѣлецкихъ смуть, бывшихъ при малолѣтствѣ Петра, Матвѣевъ былъ убитъ стрѣльцами, о чемъ будетъ сказано при описаніи царствованія Петра Великаго.

Познакомивши читателей съ выдающимися дѣятелями царствованія Алексѣя Михайловича, послужившими на пользу и процвѣтаніе Россіи, нельзя въ то же время умолчать и о людяхъ, причинившихъ не мало бѣдъ и тревогъ Русской землѣ. Къ числу такихъ людей,

безспорно, принадлежалъ донской казакъ Степанъ Тимофѣевъ Разинъ (по прозванью Стенька). Онъ былъ человекъ съ желѣзной волей, съ свирѣпымъ, необузданнымъ нравомъ и отличался необыкновенной жестокостью и кровожадностью... Роста онъ былъ средняго, плечистый и коренастый; голосъ у него былъ громкій, взглядъ быстрый и повелительный... Онъ не любилъ бояръ и людей чиновныхъ, но еще пуще возненавидѣлъ ихъ съ той поры, когда одинъ воевода повѣсилъ его брата за то, что тотъ самовольно ушелъ съ войны домой. Тогда Разинъ задумалъ отмстить московскимъ боярамъ.

Въ 1667 году, Стенька собралъ шайку изъ бѣглыхъ людей, недовольныхъ московскими порядками, и нѣсколькихъ казаковъ, не имѣвшихъ осѣдлости, промышлявшихъ грабежемъ (въ то время на Дону шаталось множество людей, не имѣвшихъ ни гроша за душой и праздныхъ, кормившихся грабежемъ да разбоями; одни грабили на морѣ турокъ, крымскихъ татаръ, другіе занимались тѣмъ же на Волгѣ), и поплылъ внизъ по Дону, къ морю, пограбить турецкіе берега; но защиточные, осѣдлые казаки въ море его не пустили. Тогда Разинъ поплылъ по Дону вверхъ и перебрался на Волгу. Повстрѣчался ему на Волгѣ караванъ судовъ, плывшій изъ Нижняго въ Астрахань... Стенька напалъ на караванъ, перебилъ и перевѣшалъ начальныхъ людей, а стрѣльцовъ и рабочихъ отпустилъ на всѣ четыре стороны. Стрѣльцы и рабочіе поступили въ Стенькину шайку. Стенька поплылъ дальше; Волгой пробрался въ Каспійское море и, пройдя моремъ до устья рѣки Урала, который тогда назывался Ликомъ, захватилъ обманомъ Лицкій городокъ. Казнивъ 170 человекъ начальныхъ людей и непослушныхъ стрѣльцовъ, Разинъ остался къ Ликѣ на зимовку. Сюда приходили къ нему изъ Астрахани и съ Дона послы, уговаривали прекратить разбой и принести повинную; но Стенька пословъ не послушался и казнилъ нѣкоторыхъ изъ нихъ. Приходило на него и царское войско; но онъ побилъ и войско.

*

Съ наступленіемъ весны, Разинъ отправился въ море и больше года о немъ не было ни слуху, ни духу... Въ это время онъ грабилъ и разбойничалъ по берегамъ Каспійскаго моря; нападалъ на города и села, жегъ ихъ, убивалъ и забиралъ въ полонъ жителей. Не миновала отважныхъ набѣговъ Стеньки даже Персія. Персидскій шахъ снарядилъ 70 судовъ, посадилъ на нихъ 4 тысячи войска и послалъ ихъ усмирять Стеньку Разина; но и тутъ Разинъ вышелъ побѣдителемъ: потопилъ персидскія суда и забралъ въ плѣнъ множество персіянъ... Побѣда эта, однако, не дешево обошлась Стенькѣ: — у него погибло много людей, почему онъ и рѣшилъ возвратиться восвоюсь съ награбленнымъ добромъ.

Въ концѣ 1669 года Разинъ поплылъ къ Астрахани. На пути попался ему персидскій купеческій корабль; Стенька ограбилъ корабль и захватилъ подарки, которые посылалъ персидскій шахъ царю Алексѣю Михайловичу... Въ Астрахани хотя и была собрана сильная рать, но воеводы московскіе не рѣшились вступить въ открытый бой съ Разинымъ, изъ боязни, что ратные люди перейдутъ на сторону Стеньки, который умѣлъ ихъ привлекать къ себѣ разными способами... Такъ Стенька прожилъ въ Астрахани десять дней, и все время онъ и шайка его гуляли и пьянствовали напропалую.

Изъ Астрахани Стенька отправился восвоюсь на Донъ. Прибывъ сюда, онъ засѣлъ на небольшомъ островѣ, гдѣ выстроилъ городокъ и обвелъ его землянымъ валомъ. Сюда со всѣхъ сторонъ повалили къ нему разнаго рода бродяги, и всѣхъ онъ принималъ милостиво; немущихъ, голодныхъ кормилъ и надѣлялъ своей награбленной добычей и, такимъ образомъ, вербовалъ все больше и больше народу въ свою шайку, такъ что она состояла уже тысячъ изъ десяти.

Въ маѣ 1670 года Разинъ двинулся съ мѣста и вновь пошелъ вверхъ по Дону, а оттуда на Волгу и подступилъ подъ городъ Царицынъ. Царицынцы отбили замокъ у городскихъ воротъ и сами впустили къ себѣ Стеньку... Затѣмъ Разинъ поплылъ къ Камышину.

Рать, высланная противъ него изъ Астрахани,—вся ему передалась. Потомъ Стенька взялъ Саратовъ и Самару и поплылъ дальше къ Симбирску. Это было въ началѣ сентября 1670 года. Смута проникла во всѣ приволжскіе города и села; Стенькины казаки рыскали всюду и бунтовали народъ.

Мы уже говорили, что много бѣдъ пришлось испытать Русской землѣ въ царствованіе Алексѣя Михайловича: войны не переставали, подати росли, а съ ними росло грабительство воеводъ и судейская неправда. Уложеніе царя Алексѣя Михайловича закрѣпило крестьянъ за помѣщиками уже въ послѣдній разъ накрѣпко. Разбои и душегубства развелись такъ, что въ самой Москвѣ убивали и грабили на улицахъ. Въ такое тяжелое время не трудно было Разину смутить народъ и поднять его на бояръ и чиновныхъ людей. Но ему этого было мало: онъ хотѣлъ перевернуть вверхъ дномъ всѣ московскіе порядки. И замыслы его едва не сбылись: въ началѣ того года (1670) умеръ у государя царевичъ Алексѣй.. Стенька придумалъ такую басню, будто царевичъ не умеръ, а живъ, что онъ бѣжалъ отъ отцовскаго суроваго нрава и отъ злобы боярской, и проживаетъ у него—Разина. Пустилъ Стенька также молву, будто къ нему пріѣхалъ сведенный въ то время съ патриаршаго престола Никонъ. Вѣрные Стенькины слуги всюду разносили эти нелѣпные слухи. Въ одномъ мѣстѣ они сулили народу казацкое равенство и вольную жизнь; въ другомъ подговаривали стать за царевича. Богобоязненныхъ людей смущали вступить за свергнутаго патриарха, а раскольниковъ подговаривали стать за истинную вѣру противъ Никоновой ереси. Стенька не пренебрегалъ никакими средствами, и мятежъ росъ и распространялся все дальше и дальше.

Въ Симбирскѣ Стенька встрѣтилъ сопротивленіе со стороны ратныхъ людей и дворянъ, къ которымъ въ сентябрѣ подошелъ на помощь воевода Барятинскій. Разинъ вступилъ съ нимъ въ бой, но былъ побитъ. Черезъ трое сутокъ, ночью, Стенька повелъ на городъ

приступъ; въ это время одинъ полкъ изъ рати Бяратинскаго зашелъ казакамъ въ тылъ и поднялъ такой крикъ, что они перепугались. Видя, что дѣло плохо и не зная сколько войска еще позади ихъ, Стенька задумалъ бѣжать; но такъ какъ шайка его стояла изъ разнаго сброда, непривычнаго къ битвамъ, то онъ и рѣшилъ бросить ихъ и бѣжать съ одними донскими казаками, извѣстными своею удалю... Ночь была темная, казаки добрались до Волги, сѣли въ свои струги (особаго рода лодки) и уплыли... Крестьяне и нѣкоторые изъ жителей Саратова и Самары, поступившіе въ разбойничью шайку Разина, увидѣли, что онъ ихъ бросилъ, и пустились также бѣжать; но воевода Бяратинскій бросился за ними въ погоню, приперъ ихъ къ берегамъ Волги, перебилъ и перетопилъ великое множество, и сотъ шесть захватилъ живьемъ. Судъ былъ короткій: всѣхъ до одного казнили.

Эта неудача подъ Симбирскомъ имѣла для Стеньки Разина роковыя послѣдствія... Правда, все Поволжье до Нижняго бунтовало; но Стенька уже не могъ помочь бунтовщикамъ: онъ самъ спасался бѣгствомъ. Царскіе воеводы ходили съ войскомъ по бунтовавшимъ волостямъ, и къ веснѣ мятежъ былъ усмиренъ. Только Астрахань держалась еще нѣсколько мѣсяцевъ, да на дальнемъ сѣверѣ, въ Соловецкомъ монастырѣ засѣли раскольники, по наущенію Стенькиныхъ людей, и нѣсколько лѣтъ вели борьбу съ Московскимъ государствомъ.

Обманувши и бросивши подъ Симбирскомъ часть своей шайки, состоявшей по преимуществу изъ простаго народа, Стенька погубилъ тѣмъ свое дѣло: народъ не простилъ ему этого поступка,—когда онъ задумалъ укрыться въ Самарѣ, самарцы не пустили его къ себѣ; то же самое пришлось ему испытать и въ Саратовѣ... Стенька ушелъ тогда на Донъ; но и тамъ не было ему удачи: осѣдлые казаки вошли въ силу и не допустили его собрать новую шайку. Онъ приходилъ въ неописанную ярость, попадавшихся ему въ руки противниковъ жегъ въ печи вмѣсто дровъ; но отъ этого дѣло его не подвигалось

впередь. Приходилъ Стенькинъ конецъ. Въ Москвѣ, въ первое воскресенье великаго поста, послѣ обѣдни, соборъ архіереевъ предалъ Стеньку *анаемь*, а царь послалъ на Донъ приказалъ: изловить непременно разбойничьяго атамана. По царскому приказу, казаки напали на Стеньку, сожгли его городокъ и перевѣшали большинство его сподвижниковъ, а самого Стеньку Разина и брата его Флора захватили живьемъ и подъ крѣпкою стражею повезли въ Москву.

Подъ Москвой, на встрѣчу Стенькѣ, выѣхала большая телѣга съ висѣлицей. Стеньку поставили на телѣгу и приковали къ висѣлицѣ; Флору поставили на-земь, надѣли цѣпь однимъ концомъ на шею, а другой конецъ прикрѣпили къ телѣгѣ. Такъ въѣхалъ Стенька Разинъ въ Москву; за телѣгой тащили въ оковахъ его брата. Ихъ прямо повезли къ допросу и, по тогдашнему обычаю, стали пытать. Стенька вытерпѣлъ всѣ пытки, ни слова не вымолвивъ, по временамъ даже издѣвался надъ палачами и ругалъ брата бабой за то, что онъ кричалъ отъ страшныхъ мученій, которымъ ихъ подвергали. Послѣ пытки посадили Стеньку съ братомъ въ тюрьму.

Въ тюрьмѣ имъ пришлось сидѣть не долго: черезъ день была назначенъ казнь, на Красной площади, въ Москвѣ. Массы народа тѣснились на площади. Прочитали приговоръ; Стенька перекрестился, поклонился на всѣ четыре стороны и попросилъ прощенія у народа. Палачъ положилъ его на доску и сверху притиснулъ другой доской; потомъ отрубилъ ему правую руку по локоть, а лѣвую ногу по колено и наконецъ голову... Такою ужасною смертью пришлось умереть Стенькѣ Разину въ отплату за всѣ совершенныя имъ злодѣяства. Онъ не щадилъ ни стараго, ни малаго, попадавшихъ ему въ руки, и его не пощадили, а подвергли самой мучительной казни, бывшей въ то время въ употребленіи на Руси. Въ наше время, слава Богу, подобныхъ казней не совершается: онѣ были мыслимы только въ то злополучное время, когда народъ русскій находился на весьма низкой степени умственного развитія.

Брата Разина, Флора, не казнили; онъ обѣщаль рассказать, гдѣ Стенька схоронилъ разныя письма и бумаги. Когда узнали отъ него все, что было нужно, его оставили въ тюрьмѣ въ покоѣ; тамъ онъ потомъ и умеръ.

Осиротѣвшіе сподвижники Разина, казаки закручинились по своему атаманѣ и сложили о немъ пѣсню:

Помутился славный, тихій Донъ,
Отъ Черкаса до Черна моря!
Помѣшался весь казачій кругъ!
Атамана болѣ нѣтъ у насъ,
Нѣтъ Степана Тимофѣича,
По празванью Стеньки Разина!
Поймали добра молодца,
Завязали руки бѣлыя.
Повезли во каменну Москву,
И на славной Красной площади
Отрубили буйну голову.

Пѣснь эта поется и въ наше время. До сихъ поръ злодѣанія Стеньки Разина могутъ приводить въ ужасъ; оставилъ онъ по себѣ недобрую память! Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онъ злодѣйствовалъ, его и теперь знаютъ всѣ отъ мала до велика. На Волгѣ и теперь есть множество мѣстъ, которыя зовутся его именемъ. Напримѣръ, не доѣзжая Самары, есть небольшая возвышенность на берегу Волги, которая называется «Стенькинымъ бугромъ»,

Въ тридцатилѣтнее царствованіе Алексѣя Михайловича было не только много внутреннихъ смуть и волнѣній, но также и внѣшнія войны смѣнялись одна другой. Между прочимъ, произошло и знаменитое возстаніе украинскихъ казаковъ противъ польской аристократіи, которое окончилось отложеніемъ Малороссіи отъ Польши и присоединеніемъ къ Москвѣ. Вождемъ этого возстанія явился Богданъ Хмельницкій, вызванный на отчаянную борьбу съ поляками жаждою личной мести.

Зиновій Хмельницкій (извѣстный болѣе подъ именемъ Богдана) былъ сынъ казацкаго сотника, получилъ отличное по тому времени образованіе, и рано началъ выдаваться изъ среды товарищей-казакъ своею храбростію и даровитостію. Онъ отличался въ битвахъ съ татарами, турками, москвичами и занялъ мѣсто войсковаго писаря. Хотя Хмельницкій наружно и показывалъ полную преданность Польшѣ, но нѣкоторые изъ пановъ, угнетавшихъ Украйну, наученные опытами прежнихъ казацкихъ мятежей, стали подозрительно смотрѣть на умнаго писаря; особенно возненавидѣлъ его чигиринскій подстароста Чаплинскій. Недалеко отъ Чигирина у Хмельницкаго былъ хуторъ Суботово, на который подстароста объявилъ свои притязанія. Однажды Чаплинскій съ толпою слугъ напалъ на хуторъ, пожегъ на гумнѣ хлѣбъ, завладѣлъ женою Богдана и такъ жестоко высѣкъ его сына, что тотъ вскорѣ умеръ. Хмельницкій принужденъ былъ спасаться бѣгствомъ. Онъ обратился съ жалобою къ чигиринскому старостѣ (Конечпольскому), и, не получивъ отъ него никакой защиты, поѣхалъ въ Варшаву искать правосудія у польскаго сената; но судьи въ тяжбѣ шляхтича съ казакомъ, по обыкновенію, приняли сторону перваго. Хмельницкій обратился къ королю, который лично зналъ Богдана и покровительствовалъ ему *). Сознавая свое безсиліе передъ сеймомъ, Владиславъ отказался отъ участія въ этомъ дѣлѣ; а на жалобы Хмельницкаго противъ притѣсненія Украйны, какъ говорятъ, сказалъ, что у казакъ есть сабли. Тогда Хмельницкій ушелъ на Запорожье, подготовилъ тамъ возстаніе и

---

*) По нѣкоторымъ извѣстіямъ, польскій король Владиславъ IV замышлялъ произвести въ Польшѣ политическій переворотъ въ пользу королевской власти; въ борьбѣ съ аристократіею онъ думалъ опереться на малороссійское войско, почему и вступилъ въ тайныя сношенія съ нѣкоторыми казацкими старшинами, между прочимъ и съ Хмельницкимъ. Но Владиславъ не отличался твердымъ рѣшительнымъ характеромъ, и сеймъ успѣлъ принять свои мѣры противъ его замысловъ. Притомъ онъ скоро умеръ.

получилъ помощь отъ крымскаго хана. Казаки выбрали Хмельницкаго гетманомъ и рѣшили объявить войну полякамъ. По всей Украинѣ началось сильное волненіе въ народѣ, который ждалъ только удобнаго случая, чтобы снова поднять оружіе противъ своихъ притѣснителей.

Первая битва Хмельницкаго съ польскими войсками (при Желтыхъ водахъ и при Корсунѣ 1648 г.) окончилась полнымъ пораженіемъ поляковъ. Этотъ успѣхъ поднялъ всю Украину; хлопы, составивъ множество гайдамацкихъ отрядовъ («загоновъ»), бросились грабить и разрушать господскіе замки, жечь католическія церкви и предавать мучительной смерти жидовъ—арендаторовъ. Паны принуждены были бѣгствомъ спасаться отъ ярости черни; а наиболѣе сильные и храбрые изъ нихъ, собравъ вокругъ себя вооруженные отряды, били нестройные толпы хлоповъ, и въ свою очередь лютыми казнями отплачивали за ихъ неистовства. (Между такими вождями особенно прославился воинственный князь Іеремія Вишневецкій, одинъ изъ отступившихъ отъ православія и ополячившихся русскихъ вельможъ.) Въ это время скончался король Владиславъ, и наступившія смуты междударствія еще болѣе способствовали успѣхамъ возстанія. Когда же на престолъ былъ избранъ братъ покойнаго короля, Янъ-Казиміръ, онъ лично принялъ начальство надъ войсками: но подъ Сборовымъ (въ Галиціи) поляки со всѣхъ сторонъ были окружены казаками и татарами; тогда король согласился на миръ, по которому возвращались казакамъ ихъ старыя права и дарованы новыя льготы и привиллегіи.

Непрочность Сборовскаго договора скоро обнаружилась. По этому договору число реестровыхъ казаковъ (т. е. постояннаго войска) ограничено въ 40,000; всѣ же остальные хлопы, приставшіе къ войску, должны были воротиться въ крѣпостное состояніе и опять работать на тѣхъ самыхъ пановъ, которыхъ они только что прогнали изъ своей земли. Когда гетманъ попытался строгими мѣрами привести

въ исполненіе эту статью, на Украинѣ обнаружилось противъ него сильное неудовольствіе черни, и онъ принужденъ былъ отказаться отъ своей попытки. Съ другой стороны, и поляки не исполняли нѣкоторыхъ условій договора; такъ, на примѣръ, они не дали кievскому митрополиту мѣста въ сенатѣ. Хмельницкій опять призвалъ на помощь крымскаго хана и началъ новую войну; на этотъ разъ она была для него неудачна. Янъ-Казиміръ собралъ поголовное шляхетное ополченіе, и, въ сраженіи подъ Берестечкомъ, казаки, внезапно оставленные ханомъ, потерпѣли совершенное пораженіе. При Бѣлой Церкви заключенъ былъ новый миръ, по которому число реестровыхъ казаковъ уменьшено до 20,000. Положеніе Малороссіи опять сдѣлалось такое же, какое было до возстанія. Казаки и въ особенности крестьяне цѣлыми толпами устремились въ сосѣднюю московскую Украйну, гдѣ пустынные дотолѣ пространства въ скоромъ времени заселены были малороссійскими колоніями или слободами, каковы: Ахтырка, Сумы, Изюмъ, Харьковъ и др. (Слободская Украйна).

Видя невозможность однѣми собственными силами бороться съ Польшею, Хмельницкій еще въ началѣ возстанія вошелъ въ переговоры съ московскимъ дворомъ и просилъ царя принять Малороссію подъ свое покровительство. Послѣ Бѣлоцерковскаго договора онъ съ большею настойчивостью возобновилъ свои просьбы, говоря, что въ крайнемъ случаѣ готовъ даже перейти въ подданство къ турецкому султану. Московское правительство сначала приняло на себя роль посредника между казаками и Польшею, и потребовало подтвержденія Сборовскаго договора; но поляки отвергли это требованіе. Кромѣ того, постояннымъ поводомъ къ неудовольствію между Москвою и Польшею служило «умаленіе» царскаго титула со стороны польскихъ пограничныхъ начальниковъ. Для обсужденія польскаго и малороссійскаго вопроса, Алексѣй Михайловичъ собралъ земскую думу (1653 г.). На соборѣ рѣшено было принять предложеніе Хмельницкаго и объявить войну Польшѣ. Въ слѣдующемъ году торжественное москов-

ское посольство, во главѣ котораго стоялъ Бутурлинъ, пріѣхало въ Переяславль; здѣсь собралась общая казацкая рада (совѣтъ) и, по предложенію своего гетмана, присягнула на подданство московскому царю (8 января). Вслѣдъ затѣмъ московскіе чиновники отправились по украинскимъ городамъ, привели къ присягѣ всѣ малороссійскіе полки на обѣихъ сторонахъ Днѣпра. Главныя условія присоединенія были слѣдующія: число постоянного войска назначено въ 60,000; казаки сами выбираютъ себѣ гетмана, который имѣетъ право принимать иностранныхъ пословъ; права городовъ и шляхты остаются прежнія; въ городахъ правители должны быть изъ малороссіянъ, они же и собираютъ доходы и пр.

Открывшаяся война съ Польшею была весьма удачна для русскихъ. Алексѣй Михайловичъ выступилъ въ походъ съ многочисленнымъ войскомъ, лично осадилъ Смоленскъ и принудилъ его къ сдачѣ. Изъ Бѣлоруссіи русскіе перешли въ Литву, взяли Вильно, Ковно и Гродно; въ то же время Хмельницкій, вмѣстѣ съ царскими воеводами, напалъ на поляковъ съ юго-востока и дошелъ до Вислы. Къ довершенію своихъ бѣдствій, Польша подверглась еще нападению съ сѣвера, со стороны воинственнаго шведскаго короля Карла X, который завладѣлъ Познанью, взялъ самую Варшаву и Краковъ. Въ такомъ критическомъ положеніи Польша была спасена заступленіемъ австрійскаго двора и соперничествомъ, которое возникло между русскими и шведами. Послы австрійскаго императора (Фердинанда III) подали Алексѣю Михайловичу надежду, что поляки по смерти бездѣтнаго Казимира изберутъ московскаго царя на свой престолъ, и тогда Польша мирнымъ образомъ соединится съ Москвою. Царь согласился на перемиріе, удержавъ за собою Малороссію и Бѣлоруссію (1656 г.). Вслѣдъ за этимъ онъ обратилъ свое оружіе на шведовъ, которые становились болѣе сильными и опасными сосѣдями, нежели поляки.

Думая, что настало время пробиться къ берегамъ Балтійскаго моря, Алексѣй Михайловичъ вступилъ въ Ливонію, завоевалъ нѣ-

сколько городовъ и осадилъ Ригу; но здѣсь русскіе потерпѣли неудачу. Война продолжалась потомъ съ перемѣннымъ счастьемъ. Между тѣмъ начались переговоры; они окончились миромъ въ Кардисѣ (Между Ревелемъ и Дерптомъ; 1661 г.), по которому русскіе возвратили шведамъ всѣ завоеванные города. Къ такой уступкѣ принудили Москву смуты въ Малороссіи и возобновлявшаяся польская война.

Богданъ Хмельницкій съ неудовольствіемъ узналъ о прекращеніи войны между Москвою и Польшею; онъ скончался спустя нѣсколько мѣсяцевъ послѣ перемирія. Въ Малороссіи, послѣ его смерти, тотчасъ же начались смуты. Главнымъ поводомъ для нихъ служило избраніе гетмановъ, которое зависѣло отъ свободнаго выбора казаковъ и на которое всегда являлось нѣсколько претендентовъ, каждый съ своею партіей. Да и самое соединеніе Малороссіи съ Великоруссией было еще непрочно: въ то время какъ простые казаки и чернь тянули къ единодержавной Москвѣ, старшины казацкіе и люди чиновные—оказывали явное предпочтеніе Польшѣ.

Еще при жизни Богдана Хмельницкаго казаки выбрали ему преемникомъ молодаго сына его Юрія; но вскорѣ послѣ кончины стараго гетмана генаральный писарь Виговскій (происходившій изъ ополяченной русской фамиліи), съ помощью преданныхъ ему военныхъ лицъ, захватилъ въ свои руки гетманство.

Объ этомъ рассказываютъ такимъ образомъ:

Подъ видомъ дружбы съ покойнымъ гетманомъ, Виговскій научилъ Юрія Хмельницкаго сначала отказаться отъ гетманства и принять его только послѣ усиленныхъ просьбъ; этотъ поступокъ долженъ былъ очень не нравиться казакамъ. Съ своей стороны Виговскій обѣщалъ сложить съ себя должность ганеральнаго писаря, если Юрія не оставятъ гетманомъ. Назначена была казацкая рада (совѣтъ) въ Чигиринѣ; сюда съѣхалось военное начальство съ нѣсколькими казаками отъ всѣхъ полковъ. Виговскій щедро угощалъ казаковъ.

обѣдомъ и горѣлкой, и расположилъ ихъ въ себѣ ласковымъ обращеніемъ. Рада происходила въ этотъ разъ на дворѣ у Хмельницкаго. Когда набралось довольно народу, ворота заперли, и большая толпа осталась еще за воротами. Юрій дѣйствительно отказался отъ прежняго избранія, положилъ на столъ знаки гетманскаго достоинства, бунчукъ и булаву, и ушелъ домой. Вслѣдъ затѣмъ Виговскій отказался отъ генеральнаго писарства, поставилъ на столъ чернильницу—знакъ своей должности, и также ушелъ. Казаки закричали, что опять выбираютъ Хмельницкаго. Юрій продолжалъ отказываться, ссылаясь на свою молодость и неопытность; тогда нѣкоторые доброжелатели генеральнаго писаря предложили, чтобы гетманомъ оставлся Хмельницкій, а пока онъ будетъ находиться въ школѣ, войскомъ пусть командуетъ Виговскій. Спустя три дня рада снова собралась и выбрала Виговскаго «временнымъ» гетманомъ.

Виговскій измѣнилъ Москвѣ, и тайнымъ договоромъ съ поляками (въ Гадячѣ) обязался возвратить Польшѣ Малороссію. Противъ него возсталъ значительная часть казаковъ, которые соединились съ московскими воеводами; гетманъ съ помощью крымскаго хана разбилъ своихъ противниковъ подъ Конотопомъ (1659); но потомъ, оставленный ханомъ, принужденъ былъ бѣжать въ Польшу. Послѣ него гетманы быстро смѣняли одинъ другаго (Юрій Хмельницкій, Тетеря и Брюховецкій), причемъ ясно обнаружилось раздвоеніе Малороссіи по лѣвую и правую сторону Днѣпра; въ первой брали верхъ приверженцы Москвы, вторая—тянула къ Польшѣ.

Между тѣмъ вторая война Алексѣя Михайловича съ поляками была для него неудачна; большая часть завоеваній въ Литвѣ и Бѣлороссіи перешла опять въ руки непріятелей. Утомленная долговременною борьбою, оба государства вступили въ переговоры, и наконецъ бояринъ Ордынъ-Нащокинъ, знаменитый московскій дипломатъ (о которомъ мы уже говорили въ началѣ царствованія Алексѣя Михайловича), заключилъ съ Польшею перемиріе въ деревнѣ Андрусовѣ

(около Смоленска) на 13 лѣтъ (1667 г.). По этому перемирію за Московою остались Смоленскъ, лѣвый берегъ Днѣпра въ Малороссіи, и кромѣ того городъ Кіевъ — на два года (но онъ такъ и остался за Москвой навсегда); западная часть Украинны снова отошла къ полякамъ.

Съ окончаніемъ польской войны, малороссійскія смуты не прекратились. Гетманъ западной Малороссіи, храбрый и честолюбивый Дорошенко, захватилъ въ свои руки и восточную часть ея, гдѣ жители были недовольны новыми московскими налогами; онъ задумалъ изъ Малороссіи составить отдѣльное владѣніе, и отдался подъ покровительство турецкаго султана. Впрочемъ, на лѣвомъ берегу приверженцы Москвы вскорѣ опять взяли верхъ; они выбрали своимъ гетманомъ Самойловича; а общая опасность со стороны Турціи заставила московское и польское правительства сблизиться между собою и заключить оборонительный союзъ противъ сильнаго непріятеля. Западная сторона Днѣпра, куда султанъ два раза приходилъ съ большими силами, подверглась страшному опустошенію; только побѣды польскаго полководца Яна Собѣскаго (избраннаго на польскій престолъ въ 1674 г.) спасли Польшу отъ совершеннаго униженія. Борьба съ турками и малороссійскій вопросъ еще не были рѣшены въ то время, когда скончался Алексѣй Михайловичъ.

Кончина его послѣдовала 29 января 1676 года, на сорокъ седьмомъ году рожденія. Онъ оставилъ послѣ себя довольно многочисленное семейство: отъ первой супруги (Милославской) у него были два сына, Ѳедоръ и Іоаннъ, и шесть дочерей; отъ второй — (Натальи Кирилловны Нарышкиной) — царевичъ Петръ, родившійся 30 мая 1672 г., и двѣ дочери. Умирая, царь Алексѣй Михайловичъ, назначилъ своимъ преемникомъ царевича Ѳедора.

ЦАРСТВОВАНИЕ ТЕОДОРА АЛЕКСѢВИЧА.

Кончина царя Алексѣя Михайловича, при малолѣтствѣ сыновей его, была поводомъ къ борьбѣ между царедворцами. По настоянію родственниковъ своей первой жены, царь назначилъ своимъ наследникомъ старшаго сына Теодора Алексѣвича, которому было только 14 лѣтъ; поэтому онъ необходимо долженъ былъ подчиниться вліянію ближнихъ къ нему людей. Между ними первое мѣсто занималъ царскій родственникъ Иванъ Михайловичъ Милославскій, человѣкъ властолюбивый, корыстный и отъявленный врагъ Матвѣева. Какъ для самого Милославскаго, такъ и для многихъ другихъ было очень важно, чтобы какъ можно скорѣе сбыть съ рукъ Матвѣева, который по своей честности былъ для нихъ великою помѣхою въ ихъ своекорыстныхъ дѣлахъ. Пользуясь тогдашнимъ общимъ невѣжествомъ, они осудили его въ чернокнижїи и въ нерадѣніи о здоровьи царскомъ; сослали сперва въ Казань, а потомъ, лишивъ всего имѣнія и боярства, въ Пустозерскъ. Тутъ онъ жилъ въ курной избенкѣ съ полуразвалившеюся печью и терпѣлъ во всемъ страшную нужду. Такимъ образомъ партія Милославскаго восторжествовала, но самое видное мѣсто при царѣ занялъ не онъ, а бояринъ Языковъ.

Царь Алексѣй съ сыномъ своимъ Петромъ.

Царствованіе Θεодора было кратковременно, и къ нему относятся только два важныхъ дѣла: окончаніе малороссійскаго вопроса и уничтоженіе мѣстничества.

Гетманъ Дорошенко, передавшійся подъ покровительство турецкаго султана, стѣсненный княземъ Ромодановскимъ и гетманомъ русской Малороссіи Самойловичемъ, принужденъ былъ сдать Чигиринъ. Отказываясь отъ гетманства, Дорошенко просилъ только даровать ему жизнь. Его отправили сперва въ Сосницу, а оттуда въ Москву; царь помиловалъ его и далъ ему въ помѣстье волость Ярополь, гдѣ онъ прожилъ болѣе двадцати лѣтъ и умеръ въ грустномъ уединеніи. На сельскомъ кладбищѣ, близъ Волоколамска, и теперь еще видна его могила. По удаленіи Дорошенки, Самойловичъ былъ назначенъ гетманомъ какъ русской Малороссіи, такъ и Заднѣпрія; но турецкій султанъ Мухамедъ IV-й задумалъ удержать за собою Украину. Это было поводомъ къ войнѣ между Россіей и Турціей. Въ августѣ 1680 года сорокатысячное войско султана, состоявшее изъ турокъ и крымскихъ татаръ, осадило Чигиринъ, но въ этотъ разъ безуспѣшно; осажденные отбивались отчаянно и къ нимъ на помощь подоспѣли Ромодановскій и гетманъ Самойловичъ. Турки ушли, и султанъ, раздраженный такою неудачею, казнилъ пашу, начальствовавшего надъ войскомъ, и грозилъ Россіи новымъ нашествіемъ. На другой годъ въ полѣ мѣсяцъ дѣйствительно снова явилось войско султана, вдвое сильнѣе противъ прежняго, и Чигиринъ былъ истребленъ. Видя однакожь, что ни туркамъ, ни татарамъ нельзя здѣсь удержаться, султанъ согласился на перемиріе; по этому перемирію, заключенному въ Бахчисарафѣ, въ Крыму, въ началѣ 1681 года, Турція уступала Россіи всю заднѣпровскую Украину, прежнія владѣнія Дорошенки.

Счастливое окончаніе войны съ Турціей дало возможность Θεодору обратить все свое вниманіе на внутреннее устройство государства, и Милославскіе, съ ихъ друзьями, вскорѣ увидѣли, что они крайне ошиблись, почитая юнаго царя неспособнымъ къ управленію.

Царств. Алексѣя Михайловича.

Онъ не только пересталъ безусловно принимать ихъ совѣты, но даже началъ явно выказывать стремленіе къ обузданію ихъ своеволія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и расположеніе къ нововведеніямъ. Тайна такой перемѣны заключалась въ томъ, что умомъ и волею юнаго государя успѣлъ овладѣть хитрый, но замѣчательно образованный монахъ Симеонъ Полоцкій, названный такъ потому, что онъ выѣхалъ изъ Полоцка, по завоеваніи этого города русскими при Алексѣѣ. Симеонъ получилъ образованіе въ Италіи, учился у іезуитовъ, былъ очень искусенъ въ философіи и богословіи, слылъ даже астрологомъ (звѣздогадателемъ) и колдуномъ. Царь Алексѣй Михайловичъ, глубоко уважавшій образованіе, опредѣлилъ Симеона наставникомъ къ старшему сыну своему Θεодору, и это дало ему возможность пріобрѣсти рѣшительное вліяніе на юнаго царя. Предоставляя другимъ вести открытую борьбу и храня въ душѣ великіе замыслы, онъ не выставялъ на видъ своего вліянія на царя; но въ бесѣдахъ съ нимъ, какъ своимъ воспитанникомъ, ясно указывалъ ему на неустройство государства и на опасность вельможескихъ крамолъ. Онъ успѣлъ оправдать предъ царемъ Никона и Матвѣева. Матвѣева велѣно было перевести изъ Пустозерска въ Мезень, и царь уже согласился призвать его въ Москву; Никону разрѣшено было возвратиться изъ ссылки въ его Воскресенскую обитель.

Между тѣмъ Никонъ пробылъ въ ссылкѣ уже около 18-ти лѣтъ и сильно скучалъ тамъ и горевалъ о прежней жизни. Привыкъ Никонъ управлять людьми и кипѣть въ дѣлахъ; а тутъ, въ монастырѣ, ему приходилось только сидѣть сложа руки. Надоѣдалъ ему также постоянный надзоръ за нимъ. Къ нему было приставлено нѣсколько монаховъ для постояннаго наблюденія и слѣдили они за каждымъ его шагомъ, за каждымъ словомъ. Не нравилось это Никону, и онъ не ладилъ съ братіей.

Однажды Никонъ сказалъ монахамъ, что черезъ часъ пришлютъ за нимъ гонца изъ Москвы, послѣ чего Никонъ тотчасъ же сталъ

укладывать свои вещи и собираться въ путь. Монахи смѣялись и говорили другъ другу: «Никонъ началъ уже бредить»... Но не прошло и часу, какъ дѣйствительно явился въ монастырь посоль изъ Москвы и объявилъ Никону, что греческіе патріархи сняли съ него судъ и что государь снова зоветъ его въ Москву.

Радостно Никонъ простился съ братіей, и поѣхалъ въ Москву на прежнее мѣсто. Въ это время онъ былъ уже весьма слабымъ и старымъ человѣкомъ; но надежда на новую жизнь и на новые труды какъ бы оживили его. Между тѣмъ, по дорогѣ, готовились Никону торжественныя встрѣчи; изъ городовъ и деревень выходило ему на встрѣчу духовенство со звономъ, хоругвями и образами; бояре встрѣчали его съ хлѣбомъ и солью; народъ же бѣжалъ за нимъ, толпами, — и всѣ цѣловали ему руки, ноги и даже полы его одежды. Но не удалось Никону доѣхать до Москвы. Плылъ онъ нѣсколько дней по Волгѣ и остановился отдохнуть близъ г. Ярославля. День склонился къ вечеру. Никонъ въ это время лежалъ въ забытїи въ постели. Заблаговѣстили къ вечернѣ... Звонъ будто разбудилъ его: — Никонъ ободрился, оглянулся вокругъ себя, и началъ оправлять себѣ волосы, бороду, одежду, какъ будто собираясь въ путь, — за тѣмъ протянулся на постели, сложилъ крестомъ руки на груди, и тихо скончался...

Такъ прервалась жизнь этого замѣчательнаго человѣка! Тѣло его отвезено было въ Москву и поставлено въ Новомъ Іерусалимѣ, гдѣ народъ и государь Θεодоръ Алексѣевичъ долго плакали, глядя на строгое лицо умнаго и правдиваго Никона.

По совѣту Симеона была основана въ Москвѣ славяно-греко-латинская академія по образцу европейскихъ академій; въ уставѣ для этого новаго училища царь такъ выразился: «Вступивъ на престоль юношею, подобно Соломону, ни о чемъ такъ не забочусь, какъ о мудрости, царскихъ должностей родительницѣ, всякихъ благъ изобрѣтательницѣ и совершительницѣ». Эта новая Московская академія

хотя была училищемъ не духовнымъ собственно, а всенароднымъ, но все-таки учреждалась преимущественно съ тою цѣлью, чтобы служить Церкви и охранять православіе отъ иновѣрныхъ ученій. Поэтому начальникомъ или блюстителемъ академіи и наставниками въ ней могли быть только русскіе или греки православнаго исповѣданія; всѣ ученые иностранцы, пріѣзжавшіе въ Россію, подвергались испытанію въ академіи и только вслѣдствіе ея одобренія принимались въ службу. По внушенію тоже Симеона, были изданы важныя уставы объ истребленіи роскоши и въкоторыя другіе, которые очень не нравились царедворцамъ; Милославскихъ же и друзей ихъ болѣе всего тревожило то, что Феодоръ приблизилъ къ себѣ Петра, заботился о немъ, какъ о родномъ сынѣ, тщательно приказалъ обучать, восхищался его способностями и выказывалъ рѣшительное намѣреніе передать ему престоль, а это, конечно, было бы тяжкимъ и рѣшительнымъ ударомъ для Милославскихъ. Къ несчастію Феодоръ вскорѣ лишился своего руководителя Симеона Полоцкаго, и смерть его снова возвратила всю силу Милославскимъ и друзьямъ ихъ. 29-го апрѣля 1682 года по Москвѣ разнеслась грустная вѣсть о смерти царя.

Несмотря на свою тяжкую болѣзненность, Феодоръ Алексѣевичъ, можно сказать въ самые послѣдніе дни своей жизни успѣлъ еще совершить одно великое дѣло—уничтожить мѣстничество, т. е. родовой счетъ мѣстами и чинами. Это мѣстничество не только было поводомъ къ частнымъ распрямъ между боярами, но и сильно вредило всѣмъ государственнымъ дѣламъ, потому что всѣ важнѣйшія служебныя мѣста занимались по старшинству родоваго мѣстничества, а не по способностямъ человѣка, и въ этомъ не дѣлалось никому уступки. При Михаилѣ Феодоровичѣ былъ выданъ головою за мѣстничество боярину Салтыкову знаменитый князь Пожарскій. Обрядъ выдачи головою за мѣстничество состоялъ въ томъ, что приставы брали подъ руки осужденнаго за неправо мѣстничество, отводили его на дворъ оскорбленнаго въ сопровожденіи дьяка и подъячаго и ставили его

тамъ у нижняго крыльца. При выходѣ хозяина на крыльцо, дьякъ объявлялъ, что великій государь указалъ, а бояре приговорили выдать ему такого-то человѣка; хозяинъ благодарилъ за царскую милость и отпускалъ уничтоженнаго соперника, а на другой день ѣздилъ къ царю бить челомъ за его милость. Какъ упорно стояли бояре за свое родовое мѣсто, видно изъ того, что иногда за споръ за свое родовое мѣсто подвергались тюремному заключенію и даже наказанью кнутомъ; стояли они въ этомъ упорно потому именно, что, уступая свое мѣсто другому лицу, бояринъ этимъ самымъ весь родъ свой ставилъ уже ниже рода своего соперника. Непримѣнимость мѣстничества болѣе всего выказывалась въ военномъ дѣлѣ; поэтому, когда Феодоръ Алексѣевичъ поручилъ выборнымъ людямъ изъ военныхъ чиновъ, подъ предѣдательствомъ князя Голицына, обсудить какія мѣры надо принять для улучшенія военнаго дѣла въ Россіи, то эти выборные, въ числѣ другихъ причинъ, указали на необходимость уничтожить мѣстничество и не только въ ратныхъ, но и въ посольскихъ и всякихъ другихъ дѣлахъ, чтобы каждый, отъ великаго до малаго чина, былъ безпрекословно на томъ мѣстѣ, которое ему укажетъ государь. Феодоръ Алексѣевичъ, признавши предложеніе выборныхъ совершенно основательнымъ, приказалъ собрать соборъ изъ знатнаго духовенства и членовъ думы; сперва имъ прочитали мнѣніе выборныхъ, потомъ царь обратился къ нимъ съ слѣдующей рѣчью: «Самъ дьяволъ посѣялъ среди русскихъ людей мѣстничество, отъ котораго во всякихъ дѣлахъ была большая пагуба, а ратнымъ людямъ въ битвахъ пораженіе, почему и дѣдъ, и отецъ мой, и я самъ много заботились объ истребленіи такого зла. Такъ скажите же теперь сами: отмѣнить-ли, по челобитью выборныхъ, мѣстничество, или оставить его по прежнему?» Патріархъ отвѣчалъ, что мѣстничество дѣйствительно есть источникъ всякаго зла, а поэтому онъ со всѣмъ духовенствомъ просить государя искоренить его; свѣтскіе члены собора также признали, что слѣдуетъ истребить. Тогда государь приказалъ принести

разрядныя книги и, указывая на нихъ, сказалъ: «Для совершеннаго искорененія и вѣчнаго забытія, всѣ эти просьбы и записки по мѣстничеству приказываемъ сжечь». Присутствовавшіе на это воскликнули: «Да погибнетъ въ огнѣ это богоненавистное, братоненавистное, любовь отгоняющее мѣстничество и впредь да не вспомнится во вѣки». — Рѣшеніе тотчасъ же было исполнено въ присутствіи царя и всѣхъ прочихъ. Такимъ образомъ, 12 января 1682 года было торжественно уничтожено мѣстничество, одно изъ важнѣйшихъ золъ стараго времени.
